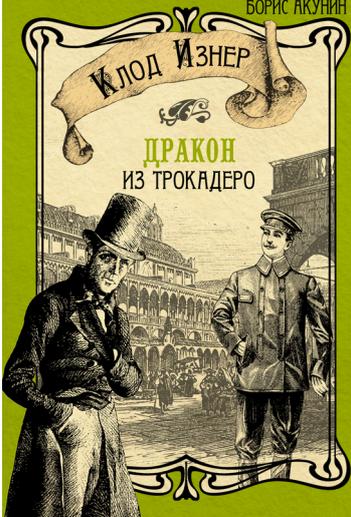

КОГДА ЧИТАЕШЬ КЭМБРА, КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТОСЯЩЬСЯ НА МОШОНОЕ ВРЕМЯ
В ПРОШЛОЕ. ОТ ЭТОГО ПОЛЕТА ЗАВЕРТАЕТ ДУХ.

БОРИС АКУНИН

Клод Изнер
Дракон из Трокадеро
Серия «Сыщик-любитель Виктор Легри», книга 12

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9363252
Изнер, Клод. Дракон из Трокадеро: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-085704-3

Аннотация

Жаркое лето 1900 года. В Париже проходит Всемирная выставка. А в одном из кварталов, далеких от шумного празднества, совершено необычное убийство: стрела с красным оперением обрывает жизнь японского моряка Исаму Ватанабе, недавно прибывшего во Францию. Убитый сжимает в руке странную записку...

Детектив-любитель Виктор Легри обещал жене никогда больше не заниматься расследованиями. Но на этот раз ему и его верному товарищу Жозефу Пиньо придется превзойти самих себя: ведь смертельная опасность грозит приемному отцу Виктора – Кэндзи Мори.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Клод Изнер

Дракон из Трокадеро

*Посвящается нашей мамочке Этии, которая дала нам жизнь,
подарила свою фамилию, научила любить и привила вкус к книгам*

*В приходе Всех Святых я с бабой жил своею.
Я мебельщиком был, модисткою – она.
Мы много долгих лет не знали горя с нею:
И полон дом добра, и толстая мошна.*

*Коль в воскресенье был денек пригожий,
Мы, приодевшись, или рука к руке
Взглянуть, как в переулке Краснорожей
Буржуев будут таять по башке.*

*Там брызжут весело мозги,
Толпа гогочет: «Каково!»
Король Убю раздаст долги!*

Ура Папаше, мать его!¹

*Альфред Жарри
Из пьесы «Убю роконосец»*

Перевод с французского осуществлен по изданию «Le dragon du Trocadéro»

Éditions 10/18, Département d'Univers Poche, 2014

© Éditions 10/18, Département d'Univers Poche, 2014

© Липка В., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2015

Глава первая

Пятница, 20 июля 1900 года

Они стояли на мосту Александра III. Ихиро Ватанабе страстно хотел, чтобы вид огромного города, возведенного в центре столицы и обреченного очень скоро исчезнуть с лица земли, с первого взгляда поразил кузена до глубины души.

В этом эфемерном городе заложили фундаменты дворцов, призванных превзойти серали из восточных сказок, построили целый квартал, в котором блеск прошлого чередовался с многообещающим будущим, затем произнесли с дюжину речей о славе нации и международном престиже и стали настойчиво вбивать в головы французам два слова, предназначенные отвлечь их от повседневных забот: Всемирная выставка.

По берегам Сены, на которой среди яхт и барж сновали прогулочные парходики, выстроились в ряд каменные фасады всех размеров, оттенков и фактур. Ихиро показал на лес башенок, дозорных вышек и коньков крыш.

– Весь Старый Париж на участке в триста метров длиной. За пешеходным мостом Инвалидов² взору предстают оранжереи Дворца садоводства и огородничества, Дворец конгрессов, мост Альма, чуть дальше посетителям предлагается ряд захватывающих дух зрелищ: Большое колесо³, Луна с расстояния всего один метр⁴.

Исаму прилагал отчаянные усилия, чтобы не зевать. Ему было невыносимо скучно, донимала жара, хотелось пить. Все эти сооружения, плоды воображения амбициозных архитекторов, выросшие как грибы после дождя, напоминали ему немыслимых размеров базар. Цветовая гамма – да, никаких вопросов. Довольно удачная компоновка. Но такому человеку, как он, без конца бороздившему моря и океаны, побывавшему в самых разных уголках мира, от Сан-Франциско до Гонконга, и ходившему на судне вдоль берегов Западной Африки, коммерческие ярмарки, даже самые яркие и кричащие, были совершенно безразличны.

– Ну, что скажете, Исаму-сан? – спросил Ихиро. – Чтобы увидеть все, никакого времени не хватит. Хотя сегодня вы ознакомились со значительной частью достопримечательностей.

Исаму хранил молчание. Ихиро с беспокойством поглядел на него. Неужели кузен не испытывает даже толики восторга?

– На набережной Орсе расположилась улица Наций, – продолжал он, – Мадрид, Копенгаген, Будапешт, Венеция, Нюрнберг! Кузен, пойдемте ко входу 24.

Исаму всю старался не выдать своей усталости. В конце концов, старик оказал ему самый радушный прием. Неожиданное везение, позволившее на время оставить у него товар, чтобы затем, не торопясь, надежно его спрятать. Ради этого можно было немного потерпеть неумную склонность родственника скармливать собеседнику сведения, действующие почище любого снотворного. Ихиро упорно обращался к нему «Исаму-сан», видимо, напрочь забыв о том, что этот кузен, будто свалившийся с неба, был американцем и от японца в нем остались лишь внешность да знание языка.

– Всего таких входов сорок пять, и это если не считать главного, монументальных ворот на площади Согласия – в них семьдесят шесть проходов, воспользоваться которыми

² Пешеходный мост Инвалидов представлял собой временное сооружение, построенное специально к Всемирной выставке 1900 г. чуть ниже по течению от моста Инвалидов.

³ Большое колесо – колесо обозрения диаметром 100 м и весом 40 тонн, построенное специально к выставке. До 80 гг. XX века являлось крупнейшим в мире.

⁴ Во время выставки во Дворце иллюзий был установлен телескоп с объективом диаметром 1,25 м, позволявший увидеть Луну с расстояния 1 м. На тот момент был самым большим в мире.

могут шестьдесят тысяч человек. Выставка открыта с восьми утра до одиннадцати вечера. Семь почтовых отделений и... Куда я засунул список парижских ресторанов?

У Исаму было лишь одно желание: оградить себя от этого нескончаемого потока слов. Он вот уже две недели жил у кузена в крохотной двухкомнатной квартирке на улице Лекурб. Когда он поднимался по лестнице, его брал за горло тошнотворный запах ассенизационных бочек. Исаму не был чересчур изнежен, но такую вонь вынести не мог, это было выше его сил. Везде, с первого по седьмой этаж, царила немыслимая грязь. В квартирах, тесно сгрудившихся на лестничных клетках, он мельком видел детей, которые лежали в деревянных ящиках, набитых соломой и заплесневелым тряпьем. Картина напомнила ему плавание на борту «Токио Ши», который в феврале 1885 года доставил его, в числе девятисот пятидесяти эмигрантов, из Японии на Гавайи... Это было так давно – и будто бы вчера! Несколько недель назад Исаму совершил трудное и опасное путешествие, будущее рисовалось туманным и вселяло тревогу.

– Предполагается, что выставку увидят свыше пятнадцати миллионов посетителей. Могло бы быть и больше, если бы Англия из-за войны в Трансваале не была в трауре, а Франция не всполошилась после объявления о намерении послать войска в Китай. Иностраные дипломатические миссии в Пекине держат осаду... Исаму-сан, вы меня слушаете?

Исаму часто щурил глаза. От неустанно жестикулировавшего кузена он будто пребывал в каком-то хмельном угаре, отделялся дежурными фразами и тщательно следил за тем, чтобы не допустить промаха.

– Прискорбно, – сказал он.

– Ага, нашел! Вот он, мой список. Исаму-сан, вам известно, что в столице насчитывается две тысячи кафе и полторы тысячи ресторанов? «Прюнье», «Дюран», «Вебер», «Максим», «Ноэль Петерс», «Поккарди»...

Силуэты прохожих корчились в ослепительном сиянии солнца, напоминавшем собой дыхание невидимого дракона. Многие усиленно обмахивались газетами, веерами, кусками картона. За пеленой зноя Исаму разглядел господина в большой надвинутой на лоб панаме. Из-за обостренных до предела чувств ему показалось, что к сюртуку этого человека принаитовлены начищенные до блеска медные пуговицы. Мир вокруг поблек, как в тумане, внимание привлекали лишь эти пуговицы.

«Может, галлюцинация?» – спросил он себя.

Обзор перегородило многочисленное семейство. Мужчина с медными пуговицами испарился. Исаму напрягся, от ощущения опасности пульс забился быстрее. Все имеет свою цену. Передышку он получит только тогда, когда убедится, что товар в надежном месте. Сразу после захода в сенегальский порт Сен-Луи Исаму по множеству мелких признаков определил, что уверенность, которую он испытывал, вполне могла оказаться фикцией. Неужели за ним следили?

– Вы обязательно должны увидеть ночную иллюминацию во Дворце электричества. Ох уж этот прогресс, Исаму-сан!

Чтобы справиться с волнением, Исаму отмахнулся, будто отгоняя воображаемую муху. В голове проносились случайные мысли: плантация сахарного тростника... Рыбный рынок... Дом терпимости, завсегдаемая которого были экипажи китобойных судов... Дружба с Робером Туреттом, обосновавшимся во Флориде французом, который зарабатывал на хлеб продажей рисунков экзотических птиц, выполненных гуашью. Когда Исаму сказал ему, что в Париже у него живет кузен, Туретт спросил его адрес: «Зайду передам от вас восточку. Через пару месяцев я как раз собираюсь в Париж, попытаюсь продать издателям эстампов мои орнитологические этюды».

За два года до этого Туретт предложил ему содействие и поддержку. Эта неожиданная помощь вдохнула в Исаму новые силы. Всем урокам, которые ему преподавал Робер,

он придавал конкретное воплощение и был готов на все, лишь бы покончить со своим положением изгоя. А теперь, почти достигнув цели, был вынужден шляться по Парижу в компании совершенно незнакомого кузена, по вечерам маячившего у входа в театр в облачении самурая.

– Как-то мне досталась контрамарка в Музей истории армии, – продолжал Ихиро. – Раньше противники сражались с помощью одинакового оружия, но сейчас каждая военная кампания характеризуется каким-нибудь новым, доселе неведомым изобретением. Винтовки системы Шаспо, пулеметы, шрапнель, броненосцы, миноносцы, а завтра – даже аэростаты! Летать – это же мечта любой современной нации!

– Грань между мечтой и кошмаром порой бывает очень хрупкой, – ответил Исаму.

Он потому и оказался сегодня здесь, что верил в свою мечту. Исаму помнил изнуряющую рубку сахарного тростника, сдерживаемый гнев, бегство в Гонолулу, где он застрял в роскошном борделе под названием «Дом певчих птичек», свою покорность – и бунт, тщательно скрываемый за неизменной улыбкой. Мойщик посуды! Тысячи тарелок, бокалов, ножей и вилок ждали его в мыльной воде, пока все эти господа и дамы прохлаждались в любовных гнездышках, выдержанных в розовых или алых тонах и до самого потолка выложенных зеркалами. И единственная возможность убежать от действительности: уроки французского, которые ему преподавал Робер Туретт. Несколько месяцев спустя Исаму сделал для себя важное открытие: человек живет сегодняшним днем, и если ему представляется та или иная возможность, упускать ее нельзя. Вот так, при посредничестве Робера Туретта, капитан одной торговой шхуны и взял его на борт в качестве кока.

Бросив на какую-то женщину любвеобильный взгляд, Исаму с удовлетворением убедился в силе своей притягательности. Боцман клятвенно заверял его, что парижанки по достоинству оценят присущий ему восточный шарм. Но нужно было соблюдать осторожность, сейчас нельзя было ставить под угрозу успех всего предприятия, окунаясь в водоворот любовных приключений. Позже, когда товар обменяют на звонкую монету, он, перед тем как покинуть эту фривольную, недалекую страну, обильно вкусит плотских утех.

– Завтра я покажу вам метрополитен, – заявил Ихиро, – блестящее новшество.

– Я уже пользовался подобным видом транспорта. В Нью-Йорке он наземный. Что же касается подземных железных дорог, то в Лондоне они функционируют вот уже сорок лет, в Чикаго восемь, в Будапеште и Глазго четыре, в Бостоне три, в Вене – два, – равнодушно возразил Исаму.

Он был недоволен и взвинчен, для его оголенных нервов разглагольствования кузена были просто невыносимы.

– Вы прекрасно осведомлены, Исаму-сан, – прошептал тот. – Если бы вы поделились со мной своими знаниями, они прекрасно дополнили бы собранные мной материалы. Видите ли, вместе с одним нашим соотечественником, который держит книжную лавку, я собираюсь написать книгу по статистике.

Исаму в знак одобрения кивнул, повернулся к кузену спиной и углубился в лабиринт турецких минаретов, венгерских донжонов и итальянских куполов, рядом с которыми высился и Толедский алькасар...

– Исаму-сан, прошу вас, давайте держаться вместе, иначе мы заблудимся!

Ихиро вклинился в плотный человеческий поток, столпившийся у входов. Толпа, безостановочно двигаясь дальше, запротестовала:

– В очередь! В очередь!

– Назад! Вот прут, нахалы! Вы что, по-французски не понимаете?

Исаму, глубоко уязвленный, попятился было назад, но Ихиро потянул его за рукав. В этот самый момент он почувствовал, что кто-то сунул ему в ладонь какую-то бумажку,

удивленно обернулся, но, увлекаемый толпой, был вынужден следовать за ней, расчищая вокруг себя свободное пространство.

– Ну, вот мы на месте! – воскликнул Ихиро. – Не зря этот самодвижущийся тротуар назвали «улицей Будущего»! Взгляните наверх, кузен, он имеет две скорости! Неподвижный настил обеспечивает доступ к подвижным платформам. Пойдемте, я вас приглашаю.

Исаму разжал кулак, развернул бумажку и прочел:

Safe and sound at home again

Let the water roar, Jack...

Don't forget your old shipmate...

AND REMEMBER MARY CELESTE⁵

В горле встал ком.

– Эй вы, косоглазые! Становитесь в очередь, вы что, лучше других? – возмутилась мамаша, все богатство которой составляли трое взбодуранных донельзя мальчишек.

Ихиро поклонился.

– Тысяча извинений, мадам, у меня и в мыслях не было...

– Смотри-ка, вы говорите на нашем языке! Не напирайте, малышей задавите.

– Не беспокойтесь, мадам, скорость способствует росту. Взгляните вон на тех юных девушек, прогуливающих под сенью деревьев. Они такого же роста, как вы, метр шестьдесят, может, на пару сантиметров выше или ниже. Поскольку жара стоит просто невыносимая, они прохаживаются со скоростью двух километров в час. Но если бы эти мадемузели воспользовались самой быстрой полосой самодвижущегося тротуара, то двигались бы уже со скоростью восемь километров в час. Реши вы их догнать, у вас ничего не получилось бы. Для этого вашим ногам нужно было бы стать в четыре раза длиннее, а вам вытянуться вверх до шести метров восьмидесяти сантиметров.

Мамаша была так ошарашена, что даже забыла достать деньги. Ее собеседник тем временем решил довести свою демонстрацию до логического завершения:

– Рассуждая подобным образом, можно придти к выводу, что тягаться в скорости перемещения с пассажиром поезда под силу лишь великану ростом в сто один метр. Улавливаете?

– Ну дела! Только этого мне еще не хватало! Бред какой-то! Правильно говорят – этим китайцам все нипочем. Пойдемте, ребятки, от этого малахольного надо держаться подальше.

Исаму пребывал в состоянии какой-то мучительной летаргии, тревога в его душе оспаривала пальму первенства у раздражения. Вместе с кузеном он подошел к неподвижной платформе, перепрыгнул медленный тротуар и сразу оказался на быстром.

– Исаму-сан, вы так все кости переломаете! – крикнул ему Ихиро. – Встретимся у панорамы «Вокруг света», вход 18.

Его голос потонул в общем шуме.

Исаму казалось, что его всасывает какой-то колодец. Перед глазами промелькнуло мимолетное видение человека в сюртуке с медными пуговицами – тот стоял перед ангарами на причале порта Сен-Луи. Мимо проплывали творения архитекторов Италии, Соединенных Штатов, Мексики, французская экспозиция, Русский павильон, выстроенный из дерева и украшенный ажурными фризами, – но Исаму ничего этого не видел. Чтобы понять, что над ним нависла угроза, ему не нужно было еще раз читать зажатую в руке записку. В памяти всплыли слова Робера Туретта: «Действия можно предпринимать лишь тогда, когда есть уверенность в их результате».

⁵ «Ты снова дома, жив и здоров,/И пусть с ревом клокочет вода, Джек.../Не забывай своего старого корабельного друга.../И ПОМНИ О МАРИИ СЕЛЕСТЕ» (англ.).

За Марсовым полем в небо вонзался ажурный желто-оранжевый шпиль. Исаму увидел перрон, прыгнул на платформу, скатился по лестнице и неподвижно, затаив дыхание, застыл перед пагодой с красно-синей крышей.

– Исаму-сан! Вы заставили меня побегать. Я уж думал, что потерял вас! Знаете, сколько краски понадобилось, чтобы вернуть Эйфелевой башне молодость? Шестьдесят тысяч литров! Такое ощущение, что она сделана из золота, правда?

Исаму провел рукой по лбу и сделал глубокий вдох. Задумался. И вдруг бросился бежать.

– Исаму-сан, подождите! Я...

– Мсье Ватаб! – прогремел чей-то баритон.

Ихино Ватанабе резко обернулся. Так коверкать его фамилию мог только один человек, мать Жозефа Пиньо, партнера господ Мори и Легри. Японец хотел было раствориться в толпе, но было слишком поздно – дама, одетая во все зеленое, преградила ему путь к отступлению.

– Мадам Эфлосинья, – с поклоном сказал Ихино.

Он прекрасно владел французским, но называя имя этой несносной дамы, способной человеку всю плешь проесть, вместо «р» преднамеренно произносил «л».

«Что это у нее на голове, – подумал Ватанабе, – сбежавший из клетки попугай?»

Эфросинья Пиньо стояла под руку с бочонком, разряженным не менее ужасно, чем она сама: консьержкой дома, в котором жил Мори-сан, владелец книжной лавки. Завидев Ихино, та надула губки в презрительной гримаске.

– Мсье Ватаб, вы тоже опробовали это дьявольское изобретение? – воскликнула Эфросинья. – Меня оно повергло в совершеннейшее изумление, даже живот прихватило. Впрочем, есть от чего. Что собрались смотреть?

– Пока не решил. Я должен встретиться с другом.

– А вот мы, несмотря на взбунтовавшиеся желудки, решили поиграть в храбрецов и отправиться в Мареораму, это рядом со станцией «Марсово поле». Говорят, там можно прокатиться на пароходе, который даже реальнее настоящего, – изрыгает клубы дыма, качается, будто на волнах, вокруг бушует буря, сверкают молнии, заходит солнце, а на небе видны звезды и луна! Запах йода и, если верить проспектам, рахат-лукум в виде поощрительного приза.

– Меня стошнит, – выдала прогноз консьержка.

– Да нет же, Мишлин, на самодвижущемся тротуаре было хуже! Мы же современные мореплаватели! Вы только подумайте, моя дорогая, за один час нам предстоит пересечь все Средиземное море, зайти в порты Сфакса, Танжера, Неаполя, Венеции, Константинополя! Какое захватывающее путешествие!

– В таком случае счастливого пути, не опоздайте к отплытию, – проворчал Ихино и приподнял шляпу. – Честь имею, мадам.

Чтобы сбить их с толку, он направился к панораме Альпийского клуба и сделал вид, что рассматривает рекламные объявления, восхваляющие горные вершины Франции. Затем бросился к панораме «Вокруг света». Исаму нигде не было видно. Ихино присел на каменный столб, приложил руку козырьком ко лбу и увидел морскую фуражку, надетую поверх седых волос средней длины.

– Исаму-сан! Вам плохо?

Залитое потом лицо кузена выражало растерянность.

– Жара стоит просто удушливая. Пойдемте домой.

– Конечно, конечно, я приготовлю вам чаю – в полном соответствии с традицией.

Им пришлось пропустить вереницу рикш, кативших перед собой разодетых в пух и прах апатичных созданий. Чтобы обогнуть Мареораму, Ихино пришлось свернуть в сторону.

Он был огорчен и очень сожалел, что не смог показать кузену театр Лои Фуллер⁶, в котором работал билетером.

По мере того как они углублялись в квартал Дюпле, пестревший заросшими, незастроенными пустырями, Всемирная выставка, похожая на мечту большого города, уставшего зарабатывать на хлеб насущный, становилась все призрачнее. Реальность, порой весьма неприглядная, вновь вступала в свои права. Дорогу то и дело перегораживали изгороди. Огибая их, Ихиро и Исаму сталкивались с кирасирами, которые носили украшенные плюмажами шлемы и донимали своими приставаниями девушек на побегушках, отправившихся выполнять поручения хозяев. Изюм всех сил лупил молотом по наковальне кузнец, в воздухе висел тошнотворный запах жженого рога и навоза, за обладание которым дралась кучка воробьев. Изможденный пес лежал, высунув язык. На размякшем асфальте площади Коммерс спали бродяги. Заточённые в зловонных стойлах, мычали коровы. Механические мастерские и фабрики по производству химикалий вели ожесточенное наступление на шеренгу огородов, вокруг которых бродили старьевщики.

Они миновали театр Гренель, затем газовый завод, оставили позади рабочий поселок с красивым названием Всемирный городок, больше похожий на трущобу, всех обитателей которого, за исключением прикорнувшей на табурете старухи, разогнало палящее, безжалостное солнце, и неспешно пошли дальше. Первым шел Ихиро. Его внимание отвлекла крыса, побежавшая к растрескавшейся стене. В этот момент рядом с ухом, почти коснувшись его, со свистом пролетело что-то темное и продолговатое. Послышался удар. Исаму рухнул навзничь. Подумав, что кузен упал в обморок, Ихиро подскочил к молодому человеку и склонился над ним.

Откинув голову назад, Исаму вытаращенными глазами созерцал небытие, из уголков его губ вытекали две струйки крови. В груди торчал какой-то стержень, снабженный оперением.

Ихиро сдавленно икнул. С трудом преодолевая тошноту, он упал на колени, из последних сил стараясь не терять сознания. Взгляд его был прикован к левой ладони кузена – из-под медленно разжимавшихся пальцев все явственнее проступал смятый клочок бумаги. Ихиро дрожащей рукой схватил его, будто какое-то омерзительное насекомое. Затем с трудом выпрямился на негнущихся ногах и оценил ситуацию. Стрела. Исаму убили стрелой, вонзившейся прямо в сердце. Ихиро в ужасе огляделся по сторонам, глубоко вздохнул и бросился наутек.

⁶ Лои Фуллер (1862–1928) – американская актриса и танцовщица, ставшая основательницей танца модерн.

Глава вторая Суббота, 21 июля

Облокотившись на прилавок книжной лавки «Эльзевир», Виктор Легри читал «Трое в лодке»⁷. Несмотря на ранний час, с улицы Сен-Пер через открытую дверь уже проникал обжигающий воздух. Накануне метеорологическая станция парка Монсури зарегистрировала температурный рекорд – 38,6°. От зноя в Париже и пригородах уже умерли четырнадцать человек.

Виктор снял сюртук. Поставив рядом стакан с водой, он наслаждался юмористическим описанием путешествия трех друзей по Темзе. В душу опять закралась ностальгия по Англии.

Легри взял два выходных, чтобы свозить в Ножан жену и дочь. Таша восстанавливала силы после реализации изнурительного проекта. Спустя нескольких недель упорных усилий она представила одно из своих полотен на Выставке десятилетия⁸ в Большом дворце. Они активно предавались ничегонеделанью на берегах Марны, посещали набитые до отказа ресторанчики, в которых польку можно было станцевать, лишь растолкав соседей локтями, и катались на лодке по реке. Эта импровизированная эскапада их сблизила, но не настолько, как хотелось Виктору. Он хоть и обожал их дочь Алису, но, к своему удивлению, сожалел о том, что ее присутствие не позволяло им с Таша предаться любовной неге. Когда-то еще ему и жене представится возможность побыть наедине и насладиться друг другом? Пару летних дней нужно будет употребить на то, чтобы совершить велосипедную прогулку по окрестностям Парижа. А еще сводить Алису на выставку и посвятить часть свободного времени фотографии, которую он в последние несколько месяцев основательно забросил. Виктор поклялся навести порядок в своей лаборатории на улице Фонтен.

«Что, старина, медлишь и покрываешься плесенью?»

Легри бросил взгляд на новые приобретения, сваленные в торговом зале у подножия стеллажей, но даже пальцем не пошевелил, чтобы расставить их. Что касается литературных новинок, Жозеф выставит их на витрине. Хотя шансы на то, что это барахло привлечет в лавку покупателей и заставит их толпиться в попытках купить «Смех» Бергсона⁹ или «Дневник горничной» Мирбо¹⁰, равны нулю.

Он улыбнулся, вернулся к чтению и не отказал себе в удовольствии перевести и записать фразу специально для Жозефа, совершенно переставшего заниматься английским:

Я люблю работу: работа увлекает меня. Я часами могу сидеть и смотреть, как работают¹¹.

«А если нам взять этот девиз на вооружение?»

В лавку проскользнула чья-то тень. Виктору стало неудобно – с мирной жизнью было покончено. Он поднял голову, но вместо клиента увидел перед собой моржовые усы.

⁷ Роман Джерома К. Джерома. Английское название: «Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)». Эта книга, опубликованная в 1889 году, в 1894 году была переведена на французский и пользовалась таким огромным успехом, что ее подпольные тиражи составили миллион экземпляров. (Здесь и далее цифрами обозначены примечания автора.)

⁸ Выставка десятилетия проводилась в рамках Всемирной выставки. В ней были представлены около 6500 произведений современного искусства работы 3000 художников из 29 стран.

⁹ Анри Бергсон (1859–1941) – один из наиболее значимых философов XX века, представитель интуитивизма и философии жизни.

¹⁰ Октав Мирбо (1848–1917) – французский писатель, романист, драматург, публицист и художественный критик. Член Академии Гонкуров.

¹¹ Джером К. Джером, «Трое в лодке, не считая собаки», глава XV. Перевод с англ. М. Салье.

– Господин Ватанабе! Каким попутным ветром вас к нам занесло? Как поживаете?

– Растворяюсь в декоре, Легри-сан.

Любитель статистики пребывал в плену огромного замешательства. Костюм на нем был помят, шляпа съехала на бок, руки сжимали внушительное количество сумок и чемодан.

– Переезжаете?

– Я попал в беду, и если меня кто-то и может спасти, то только Мори-сан, ваш почтеннейший компаньон.

– Он спит. Доверьтесь мне, я буду нем как могила.

Ихино Ватанабе выронил из рук сумки и приложил к губам палец.

– Тсс! – прошептал он. – Никогда не произносите это слово, демоны не дремлют! Мы одни?

Ихино дрожал, на щеках его проступили пунцовые пятна, от него, обычно ухоженного и аккуратного, несло, как от хорька. Он перегнулся через прилавок и едва слышно молвил:

– Мой кузен... Его убили. Он поселился у меня... В него выпустили стрелу. Убийца меня разыскивает...

– Полно вам, господин Ватанабе, полно. От этой жары у людей мозги плавятся. Вам просто приснился кошмар. Вы...

Виктор сделал паузу, мысленно пытаясь дать оценку столь нервному поведению собеседника.

– Вот, выпейте, вам сразу станет лучше.

Ихино хватил стаканом о пол. Виктор подпрыгнул – этот яростный порыв маленького человечка его несказанно удивил. Выбежав из-за прилавка, чтобы собрать осколки, он заметил, что Ихино судорожно сжимает и разжимает кулаки. Легри подвинул ему стул и заставил сесть.

– Стрела, стрела, – повторял Ихино, разглядывая свои туфли, – я видел, это была стрела с красным оперением.

В его голосе чувствовалось тревожное безразличие.

– Господин Ватанабе, расскажите все по порядку.

– Мой кузен Исаму, я оставил его лежать там, на земле. Побежал. Похватал свою одежду и вещи...

– И что потом?

– Бесцельно бродил... А куда мне было идти? Ваша лавка была закрыта, я спрятался под навесом для мусорных контейнеров во дворе соседнего дома 18-бис и в конце концов уснул...

Ихино раскачивался взад-вперед, плечи его дрожали.

– Простите меня, Легри-сан, простите, я так испугался!

– Успокойтесь, господин Ватанабе, и расскажите все с самого начала.

И Ихино монотонным голосом поведал обо всем, что произошло накануне.

– Стрела? – воскликнул Виктор. – Вы ничего не путаете?

– Никоим образом, я назубок знаю все без исключения орудия убийства, в том числе и стрелы. Кто я, как не торговец достойной смертью?

– Как это?

– Мне известен тысяча и один способ умерщвления себя и себе подобных, еще совсем недавно я преподавал эту науку другим.

– Почему вашего кузена убили стрелой?

Виктор вздохнул. Ихино явно бредил.

– Нужно поставить в известность полицию, господин Ватанабе.

– Нет! Они во всем обвинят меня!

Ихино вскочил и схватил чемодан, но тут же выпустил его из рук, будто получив ожог.

– Вы мне не верите!

– Да верю, верю. Но когда человек отказывается встречать лицом к лицу испытания, ниспосланные ему судьбой, последствия могут быть самыми что ни на есть плачевными.

Прибегая к подобным речам, Виктор надеялся, что Ихиро перестанет нести околесицу. Гость опустил взгляд на свои кулаки, разжал их и прошептал:

– Мне нужно где-то укрыться до тех пор, пока виновный не будет арестован. Я пришел к Мори-сану с просьбой приютить меня. Легри-сан, представьте, что вы стали тонуть, но некий человек вытащил вас из воды. Неужели вы, в свою очередь, не протянете ему руку помощи, когда с ним самим случится беда?

Виктор, в знак согласия, кивнул. Ихиро еще не окончательно сошел с ума, если тактично напомнил, как в прошлом году уберег его от печальной участи.

– Взгляните, Легри-сан, это было в вещах моего кузена Исаму-сана.

Виктор разглядел протянутую бумажку и прочел:

Safe and sound at home again

Let the water roar, Jack...

Don't forget your old shipmate...

И отделенную межстрочным интервалом приписку печатными буквами:

AND REMEMBER MARY SELESTE

В голове его всплыло воспоминание детства – человек-оркестр по имени Гораций, выступавший на Трафальгарской площади, у подножия памятника Нельсону. Облачившись в изодранный мундир и повесив на себя большой ящик для сбора денег, он, под аккомпанемент аккордеона и бубенчиков, наяривал эту матросскую песенку, очень популярную во времена правления Наполеона. Виктор замурлыкал ее мелодию и вдруг ощутил в душе жгучее желание вновь оказаться в Лондоне: «*Safe and sound at home again*».

Но что означало это женское имя? В тексте песенки его и в помине не было...

Вдруг с грохотом распахнулась дверь, бешено зазвенел колокольчик. Ихиро запрыгнул за прилавок. На Виктора энергично двинулась Мишлин Баллю.

– Это уже ни в какие ворота не лезет! Да как они посмели в такую адскую жару! Это то же самое, что отобрать у верблюдов пустыни оазис! Взгляните какое объявление вывесили эти водопроводчики!

Виктор схватил извещение, но прочитать полустершийся текст не смог.

– Ну и что?

– Как это что! – взревела консьержка. – Неужели вас не возмущает, что воду будут отключать с шести вечера до одиннадцати утра, а также в обеденный час? И как, по-вашему, я буду мыть лестницы?

– Есть вопрос поважнее – что мы будем пить?

– А уборная? Провести канализацию, конечно же, было очень мило, но если слив не работает – бонжур, амбре! Кстати, здесь как-то странно пахнет! – добавила она, окидывая Ихиро подозрительным взглядом.

Виктор держал в руке таинственное послание, переданное японцем, и спрашивал себя, зачем Ихиро было выдумывать эту невероятную историю. Стрела!

Его мозг затрепетал от возбуждения.

«А если это правда? Он так потрясен».

– Не напускайте на себя такой похоронный вид, господин Легри, как-нибудь выкрутимся, нужно будет сделать запас минеральной воды...

Виктор в упор посмотрел на консьержку. Ему в голову пришла мысль – более чем заманчивая, хотя он противился ей изо всех сил. Если Ихиро измыслил свой рассказ после того, как его вышвырнули из квартиры, это будет пустой номер, но если вдруг...

«Кэндзи меня возненавидит. Что ж, тем хуже».

– Мадам Баллю, если не ошибаюсь, комната, которую я отдал вам после того, как ваш кузен Альфонс переехал на улицу Вьоле, сейчас свободна.

– Ну уж нет! О том, чтобы завалить ее до потолка этим антикварным хламом, и речи быть не может! Я сложила там посуду, в ней хранится старая мебель! К тому же, Альфонс оставил ее в весьма плачевном состоянии.

– Вам будет нужно лишь сложить компактнее свои вещи, и тогда мы сможем поставить там кровать, стул, круглый столик на одной ножке и умывальник.

– Вы собираетесь поселиться на шестом этаже? Это еще что за блажь! А как же ваша жена, мадам Таша? А дочурка Алиса? Ведь под крышей царит настоящее пекло, не говоря уж о том, что мадам Примолен, живущая этажом выше, теперь на улицу и носа не кажет и все время выбивает свои ковры. Совсем свихнулась!

– Если вы смиритесь с присутствием в этой комнате жильца, то получите ежемесячную надбавку.

Глаза Мишлин Баллю загорелись. Перед ее мысленным взором промелькнуло видение мусорного ящика, наполненного выщербленными тарелками и колченогими табуретами.

– Я не против, но кому-нибудь придется помочь мне выбросить накопившийся там хлам. Когда вы планируете туда вселиться?

– Речь не обо мне. В ней будет жить господин Ватанабе.

– Вы шутите! – взвилась консьержка.

– Если вы хотите воспользоваться этим удачным случаем, решайтесь. Комната понадобится нам уже сегодня.

– Плату за две квартиры я не потяну, – заныл Ихиро, устремив взгляд на дверь.

Порог книжной лавки переступила Эфросинья Пиньо. В руках у нее были две плетеные корзины, доверху набитые овощами.

– Это восстание боксеров в Китае¹² – просто ужас какой-то! Почему их так окрестили?

– Они практикуют боевые искусства, мадам Пиньо, а название их движения в буквальном переводе с китайского означает «Кулаки гармонии и справедливости».

– Если вам так больше нравится, господин Легри, будь по-вашему, хотя лично я предпочитаю «боксеров», так короче. Продавец газет рассказал мне, что они порвали европейцев на куски!

– А у нас воду отключили! – выдвинула свой аргумент Мишлин Баллю.

– Да есть у нас вода, я только что принимал ванну, – пролетел над головами собравшихся голос Кэндзи Мори, спускавшегося по винтовой лестнице со второго этажа. – Господин Ватанабе! Какой приятный сюрприз! – воскликнул Кэндзи.

А про себя подумал: «Вот черт! Этот зануда сейчас вновь станет изводить меня цифрами и клянчить деньги». Он вжался в стену, чтобы дать пройти Эфросинье.

– К счастью, я всегда начеку, – проворчала она, обращаясь к нему. – А то с этой тряпкой Мели Беллак вы явно промахнулись и вместо искусной поварахи взяли мадам «испорть-соус». Небось сейчас тушит вам рагу из древесных волокон!

И тихо-тихо, чтобы ее мог слышать только Кэндзи, добавила:

– На вашем месте я бы как-нибудь отделалась от господина Ватаба. Ваша дама сердца его на дух не переносит.

¹² Ихэтуаньское (оно же Боксерское) восстание (1898–1901) – мятеж против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая.

– Мадам Джине несвойственно жаловаться, – сухо ответил он.

– Уж кому как не мне это знать! Вечно вы мне противоречите! Ладно, будь по-вашему. Как же он тяжек, этот мой крест!

Эфросинья, само воплощение достоинства, поднялась на второй этаж. Консьержка вышла во двор, бормоча себе под нос, что ее все нещадно эксплуатируют, и все ради какого-то косоглазого чужеземца, который, может оказаться, даже не японец, а китаец.

– Что это с вами? – спросил Кэндзи. – У вас такие лица, будто вы на похоронах! Что, жара так действует?

Виктор отвел его в сторонку и все рассказал. Кэндзи вымученно улыбнулся и скорчил гримасу.

– У него какой-то одурманенный вид. Может, он опиума обкурился? Стрела! Мы что, в Аризоне? Его кузен был индеец из племени апачей? Или он помешался на романах Гюстава Эмара¹³?

– Обкурился? Ну уж нет. У него в кармане нет ни гроша, к тому же, вся его фантазия ограничивается одной лишь статистикой.

Кэндзи подошел к Ихиро, неподвижно стоявшему перед грудой своих пожитков.

– Послушайте, Ихиро, ваша история со стрелой – сущая ерунда!

– Никакая не ерунда! Вот господин Легри в курсе. Мори-сан, друг мой, мой бесценнейший друг, умоляю – спасите меня!

– Может, вашего кузена только ранили... Вы обращались за помощью?

– Спасти его уже было нельзя, и любая помощь запоздала бы, он тут же отправился в мир наших предков.

– Вы самый большой выдумщик из всех, кого я когда-либо знал, – продолжал Кэндзи, с трудом скрывая раздражение. – Кто сказал, что его убили предумышленно? Вам в голову не пришло, что это мог быть несчастный случай? Вполне возможно, что какому-нибудь стрелку из лука, участвующему в летних Олимпийских играх на лужайке Венсеннского леса, пришла в голову нелепая мысль поупражняться неподалеку от вашего дома!

– Но соревнования по стрельбе из лука проводятся в мае, – возразил ему Виктор.

– Позволительно ли мне будет узнать, когда вы посчитаете нужным поставить в известность полицию? – попытывался Кэндзи, не обращая внимания на его замечание.

– Полицию?! – воскликнул Ихиро. – Ни за что! Я стану главным подозреваемым, меня бросят в тюрьму и подвергнут пыткам!

От уныния и подавленности черты лица Ихиро исказились. Он окинул Виктора и Кэндзи мрачным взглядом.

– Давайте не будем драматизировать, – сказал Легри. – У вашего кузена были знакомые в Париже?

– Не знаю. Он сошел с корабля две недели назад, раньше я о нем никогда даже не слышал.

– А кем работал этот ваш... Как его там?

– Ватанабе Исаму. Плавал матросом на торговом судне. Выхлопотав месячный отпуск, он приехал из Марсея. Тогда мы с ним и познакомились.

– Таким образом, вы приютили у себя совершенно незнакомого человека, который заявил, что является вашим кузеном, и не выказали по отношению к нему никакого недоверия?

– Он предъявил мне письмо своего покойного отца, моего дальнего родственника, в 1885 году эмигрировавшего на Гавайи на борту корабля «Токио-Ши».

¹³ Гюстав Эмар (настоящее имя Оливье Глу, 1818–1883) – французский писатель, автор приключенческих романов, один из классиков жанра «вестерн» в литературе.

– Но ведь оно вполне могло оказаться подделкой, а он – самозванцем.

– Зачем ему это? Денег у меня нет! И потом, он во всех подробностях воспроизвел генеалогию нашего клана. Исаму действительно жил на Гавайях и даже принял американское гражданство!

– Липа! – проворчал Кэндзи. – Этой привилегией могли воспользоваться лишь дети выходцев из Японии два года спустя после аннексии островов. Господин Ватанабе, я очень сожалею, но вынужден повторить: о смерти вашего кузена нужно сообщить в полицию.

– Нет! Нет! Заклинаю вас!

– Если бы не эта ваша трусость, вы бы немедленно исполнили свой долг и рассказали бы обо всем стражам порядка.

– Не кипятитесь, – произнес Виктор, – Ихиро-сан, в вашем доме есть консьерж?

– Он в больнице. У меня осталась лишь соседка, пожилая и, к тому же, почти глухая дама. Остальные квартиры на этаже после пожара пустуют. Я же вижу, вы мне не верите.

– Неправда, верим. Мне просто хотелось проверить, на тот случай, если придется отправиться к вам домой. Запишите адрес квартиры и дайте мне ключи. Полагаю, у вашего кузена был с собой какой-то багаж?

– Да, матросская сумка. Легри-сан, пожалуйста, мои постельные принадлежности.

– Ваши постельные принадлежности? О чем это вы?

– Не будете ли вы так любезны привезти их, раз уж я собрался здесь жить? Матрас, две подушки, валик, стеганое одеяло и простыни.

– Ну хорошо, возьму с собой Жозефа.

– А плата?

– Какая плата? Ах да, за мансарду! Не волнуйтесь, вознаграждение мадам Баллю я выплачу из собственного кармана.

Кэндзи ухмыльнулся.

– Браво, Виктор, это свидетельствует о том, что у тебя большое сердце. А где он будет столоваться?

– В своей комнате. Мели Беллак будет приносить ему еду туда.

Кэндзи просунул палец между шеей и воротником слишком туго накрахмаленной сорочки.

– Дурацкий план. Секундочку! Господин Ватанабе, почему я, как последний проstack, должен верить вашим рассказам? У вас есть доказательства того, что все это правда?

– Да, моя порядочность и искренность, – с вкрадчивой улыбкой на лице заверил его Ихиро, – да и потом, есть бумажка с написанными на английском словами, которую я отдал Легри-сану.

От Виктора подтверждения его слов Кэндзи так и не дождался.

– Все правильно, прячьтесь! Но мне кажется, вы преувеличиваете! Неужели преступники объявили через газеты, что устроили на вас охоту?

Виктор тыльной стороной ладони отмел всякие комментарии.

– Можете остановиться здесь на несколько дней, господин Ватанабе, – продолжал Кэндзи, – органы следствия я проинформирую сам, если, конечно же, вы, Виктор, не обратитесь непосредственно к своему знакомому из префектуры – комиссару Вальми.

В этот момент на пороге, с зажатой в руке газетой, появился Жозеф.

– Привет честной компании! Не говорите мне о восстании в Китае и о нехватке воды, с которой столкнулся департамент Сены! У меня есть кое-что получше. Ночью неподалеку от театра Гренель был найден азиат лет тридцати – ему в брюхо всадили стрелу!

Глава третья

Воскресенье, 22 июля

Виктор возблагодарил судьбу за то, что она послала ему таких любезных и услужливых соседей, как семейство Бодуэнов. На рассвете его глава, столяр по профессии, без лишних разговоров одолжил свою двуколку и кобылу.

– Жозефина неплохая бабенка, но у нее, как у всех женщин, есть свои причуды. Чтобы заставить ее повернуть налево, нужно кричать «направо», а при повороте направо – вопить «налево»! Во всем виновата фермерша, которая нам ее продала, она вечно путала направления, так что... Самое главное, господин Легри, если ей придется долго ждать на солнце, не забудьте накинуть попону, ведь лошади от жары страдают не меньше, чем люди.

В настоящий момент Жозефина била копытом о землю на улице Фонтен, подергивая ушами и прислушиваясь к внутреннему голосу, предписывавшему ей досмотреть прерванный сон. Виктор мерно покачивал головой, сжимая в руках фотографический аппарат с мехами. Сзади слышались быстрые гулкие шаги, и рядом на сиденье плюхнулось чье-то тело.

– Знаете, порой кажется, что вы только о том и думаете, чтобы усложнить мне жизнь! Эх, не надо было мне вчера поддаваться этому мимолетному порыву! А все потому, что я рассказал вам об этом прискорбном происшествии!

– Жозеф, черт бы вас побрал, бросьте эту свою привычку брюзжать по поводу и без повода! Когда я поведал вам о просьбе Ихиро, равно как и о том, что с человеком, которого проткнули стрелой, его связывают родственные узы, вы даже не поморщились.

– Я же не думал, что эта конная прогулка в четыре часа утра окажется столь утомительной! Во всей округе ни намек на фиакр! И поскольку шансов отвертеться и увильнуть у меня уже сто лет нет, пришлось тащиться через весь Париж пешком...

Жозефина подчинилась только после того, как Виктор звучно шелкнул языком и громко заорал: «Но! Пошла, родимая!», что обошлось ему в целый поток ругательств, выплеснувшихся из окон.

– Дома и так адская жара, а тут еще какие-то придурки орут, как последние ослы!

Впоследствии у Виктора об этой поездке через дремлющий город сохранились лишь самые смутные воспоминания. Жозефина, по всей видимости, сама догадалась о конечном пункте их смелой вылазки. Порой, просыпаясь, он видел перед собой то площадь Звезды, ступицу гигантского колеса, от которой в разные стороны расходились двенадцать проспектов, то точную копию Афинского стадиона рядом с Триумфальной аркой, включая его километровую арену. Легри клевал носом. В полудреме перед ним проплывали сады Мюэт, освещенные желтым светом уличных фонарей. Какой-то рантье выгуливал бульдога, женщина вела за руку ребенка-калеку. Легри попытался проникнуть в мысли мальчика и почувствовал, что превращается в совсем юного, робкого и неуверенного в себе Виктора, осаждаемого сворой злобных собак. К действительности его вернул резкий толчок. Жозефина пробежала мимо «набережной Наций» – огромного пространства между авеню Версаль и Сенной, усеянного целым морем павильонов, – и мерным шагом миновала виадук Отей¹⁴. Река несла свои желтые воды, на которых покачивалась целая вереница барж и плоскодонных судов, окруженных нимбом красновато-коричневых, отливающих золотом отблесков.

«Будто очковая змея», – подумал Виктор.

Он крикнул Жозефине «налево», но безрезультатно. В памяти всплыл совет Бодуэна.

¹⁴ Виадук Отей – бывший мост через Сену. Снесен в 1959 году, в 1963 году на его месте был возведен мост Гарильяно.

– Направо!

– Бриться пришлось насухо, и теперь у меня все щеки горят! – проворчал Жозеф. – Когда я проснулся, воды не было. Уму непостижимо! В такой-то зной!

Двуколка свернула на улицу Леблан и выехала на улицу Лекурб.

– Что вы наплели Таша на этот раз?

– Я еду, чтобы снять Выставку в выгодных ракурсах перед тем, как она откроется для посещения. Обещал вернуться пораньше, взять ее и малышку и вместе с ними провести день в каком-нибудь прохладном месте. Причем выбор богатством не отличается – либо канализационный коллектор, либо катакомбы.

– Ага, понимаю, фотографический аппарат – лишь хитрая уловка. А вот я сделал вид, что намереваюсь кое-что прикупить. Айрис не поверила ни единому слову, но промолчала. Маман метала грома и молнии, обзывала меня негодным отцом и осталась на ночь у нас, чтобы понянчиться с Артуром. У Дафны начинается отит, но маман клялась всеми своими богами, что это свинка. Доктор Рейно нас успокоил.

– Бедная малышка. Отит – это ведь больно.

– Ей уже лучше. Доктор Рейно облегчил ее страдания, промыв слуховой канал теплой водой с каким-то снадобьем на основе каломели¹⁵. . . Свинка! Не хватало еще свинку подхватить, я дорожу своей мужской силой.

Виктор пожал плечами.

Они выехали к Всемирному городку, который им описал Ихиро. Жозеф, спрыгнув на ходу, чуть было не растянулся на мостовой и тут же представил себе полицейских, склонившихся над его трупом. Интересно, если бы расследование причин его смерти поручили Огюстену Вальми, к каким выводам он бы пришел?

«Господа, этот молодой, плодовитый писатель был убит неуживчивой кобылой, нареченной Жозефиной Богарне¹⁶. Предумышленное убийство».

«Эту реплику надо запомнить. Использую ее в моем следующем романе».

– Жозеф, приехали. Это рядом.

– С сумасшедшим домом?

– Вот он, дом Ихиро.

Они оставили Жозефину у мастерской шорника, примыкавшей к сараю, в котором можно было взять напрокат тележку. Из-за деревянной перегородки донеслось ржание першерона. Жозефина ответила ему во всю мощь своих легких.

– Чем они здесь занимаются? Все вокруг дрыхнут без задних ног.

– Давайте-ка посмотримся, Жозеф. Если речь идет об убийстве, то место выбрано идеально – домов мало, повсюду хаос и запустение. Если же это несчастный случай, то кому могло придти в голову упражняться в стрельбе в подобной дыре? Булонский или Венсенский лес для этого подошли бы куда больше.

– Минуточку! Экий вы быстрый, я еще не дал своего согласия вам помогать. Мы же договаривались, что Часовой тупик положит конец нашим расследованиям¹⁷.

– А если предположить, что стрелок обитает где-нибудь поблизости, а?

Виктор облокотился на забор, ограждающий питомник, в котором смотритель высадил четыре ряда тщедушных яблонь, и задымил сигаретой. Он не курил со вчерашнего дня и проклинал себя за то, что пообещал Таша отказаться от табака.

¹⁵ Каломель – редкий минерал из класса галогенидов, хлорид ртути.

¹⁶ Жозефина Богарне была женой Наполеона. Здесь автор использует игру слов: Beauharnais (на русский язык передается как «богарне») в раздельном написании означает «красивая сбруя».

¹⁷ См. роман «Полночь в Часовом тупике».

– Надо дожидаться, когда проснутся аборигены и допросить их. Мы же не сможем отказать этому несчастному Ихиро в помощи. Кэндзи нас в этом деле поддерживает.

– Как мило с его стороны. – проворчал Жозеф. – Сам-то он сейчас спит сном праведника. Что-то невесело глядят здесь окна. Не квартал, а какой-то разбойничий притон. Я...

В этот момент над их головами раздался какой-то гул, и взору Виктора с Жозефом предстал проплывавший между небом и землей продолговатый аэростат, снабженный седлом и велосипедными колесами.

– Это еще что за сигара с педалями? – воскликнул Жозеф.

– Я слышал, что какой-то бразилец, некий Альберто Сантос-Дюмон¹⁸, проводит испытательные полеты сконструированной им машины в воздухоплавательном парке то ли Вожирара, то ли Сен-Клу. Но то, что мы видим, вполне может оказаться одним из его конкурентов, ведь у этого вида спорта сегодня много поклонников.

– Ну-ну... Если эти ребята полагают, что в один прекрасный день будут летать в облаках на этих своих аппаратах, то им явно пора в сумасшедший дом! Что вы думаете о словах, написанных на бумажке, которую дал Ихиро?

– Это отрывок из песни, в котором говорится о ностальгии по родному дому, плюс намек на какую-то женщину. Может, записка представляет собой прощальное письмо? Или зашифрованное послание? На эти вопросы у меня нет ответа.

Звезды на небе стали бледнеть. Вдали затянул свою утреннюю серенаду петушиный хор. Дом Ихиро приютился между двумя санными сараями. Виктор с Жозефом пересекли зловонный двор и стали подниматься по темной шаткой лестнице.

– Бьюсь об заклад, что нам на самый верх. Я определенно обречен вечно куда-то взбираться. Как же мне все это надоело, боже, как же надоело!

– Ихиро уверял меня, что кроме старухи здесь нет ни одной живой души.

Ключ им не понадобился – дверь жилища Ихиро была приоткрыта. В свете зарождающейся зари взору Виктора и Жозефа предстали две смежные комнаты.

– Квартиру кто-то обыскал, – прошептал Виктор, – здесь все перевернуто вверх дном.

– А постель! Больше похожа на курятник, разоренный после битвы взбесившихся петухов!

Жозеф несколько раз чихнул, ударился о перевернутый табурет и выругался.

Виктор задумался. Либо Ихиро окончательно отказался от мысли заправлять постель, либо кто-то умудрился продырявить валик, одеяло, подушки и матрас, чтобы исследовать их содержимое.

– Жозеф, в глубине комнаты я видел висящее на железной проволоке нижнее белье.

– И что вы собираетесь в нем найти? Спрятанную в кальсонах карту сокровищ Билли Бонса¹⁹?

– Возьмите прищепки, с их помощью мы заделаем брешь в перине. А заодно внимательно посмотрите, нет ли где-нибудь матросской сумки.

– Приперлись, и дела никакого нет, что от них никому нет покоя! – прокурлыкал чей-то мелодичный голос. – Проваливайте отсюда, или я подниму на ноги весь квартал!

Виктор с Жозефом, не на шутку испугавшись, обернулись и увидели перед собой пожилую даму в кружевном чепце и ночной рубашке в цветочек. В руке она сжимала подсвечник.

– Кто вы? И что позабыли в квартире господина Ихиро?

Жозеф, по своему обыкновению, сделал вид, что он здесь ни при чем. Что касается Виктора, то он решил вступить в переговоры.

¹⁸ Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) – пионер авиации. Разработал, построил и испытал первый управляемый воздушный шар.

¹⁹ Билли Бонс – один из персонажей романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ» (1883).

– Мы знакомые господина Ихиро. Ему пришлось неожиданно уехать. Какой-нибудь друг его, случаем, не искал?

– Что?

Свободной рукой старуха прислонила к уху акустический рожок.

– После отъезда господина Ихиро к нему кто-нибудь приходил? – отчетливо произнес Виктор, повышая голос.

– Не орите, молодой человек, у меня от вас барабанная перепонка лопается! Приходил ли кто-нибудь сюда?.. Да, был один господин, вчера, после обеда.

– Как он выглядел?

– На мой взгляд, либо русский, либо испанец, уж слишком раскатисто у него «р» вышло. Принес какие-то бумаги и хотел, чтобы господин Ихиро их подписал.

– У него был ключ?

– Вы обратили внимание, в каком здесь всё состоянии? Сплошное разорение. На ночь дверь закрывается лишь на задвижку, а днем и вовсе открыта. Сей господин был очень удивлен, обнаружив, что в квартиру могут зайти все кому не лень. Обещал придти еще раз. Наставать я не стала и заперлась у себя.

– Вы не смогли бы описать нам этого русского или испанца?

– Он человек вежливый, опрятно одетый, с тростью, в шляпе и перчатках. Одним словом – джентльмен! Не исключено, что аристократ, потому как на жилете красовалась цепочка от часов, да и пахло от него хорошо.

– Лицо?

– Неброское. Усы...

Она вскрикнула – на руку упала капля горячего воска. Виктор выхватил у нее подсвечник.

– Борода была? Если да, то какая, большая, маленькая?

– Я не помню. Перед этим я выпила бенедиктина, чтобы уснуть. В моем возрасте сон сам не идет, ему надо помогать. Да и потом, мне нет никакого дела до других, хотя господин Ихиро человек очень даже приличный.

– Этот визитер вас о чем-то спрашивал? – вклинился в разговор Жозеф.

– Спросил, не знаю ли я родственников или знакомых господина Ихиро. Толковал то ли о завещании, то ли о чем еще. Я ответила, что господин Ихиро ведет уединенный образ жизни, но при этом часто бывает у продавца канцелярских товаров, который держит лавку где-то в районе больницы Шарите. Что до меня, то я из своего квартала – ни ногой.

– У продавца канцелярских товаров?

– Ну конечно, ведь господин Ихиро исписал множество блокнотов, внося в них свои наблюдения. Он очень образован. От него я узнала, что в 1868 году в Париже было семь тысяч шестьсот двадцать восемь сумасшедших, а в 1895 году – уже шестнадцать тысяч восемьсот девяносто семь. Боже, это невозможно – их количество почти удвоилось! А все ваш хваленый прогресс, изобретатели уже не знают, что еще придумать. Люди носятся как угорелые, сходят с ума, жизнь настолько дорога, что женщинам приходится вкалывать с утра до ночи, а кто воспитывает детей, а? Лично я...

– Не обладая зрительной памятью, вы прекрасно запоминаете цифры.

– Это настоящий дар. У монашек я лучше всех знала таблицу умножения и в цифрах разбираюсь прекрасно. Но самый ужас – это количество детей, находящихся на излечении в больницах: тридцать четыре тысячи девятьсот девяносто шесть. Господину Ихиро нужно будет внести эту цифру в блокнот.

– А как вам показался его жилец?

– Жилец? Какой еще жилец? Да за кого вы меня принимаете? Я, конечно, глухая как тетеря, но все же не шпионю за соседями весь день напропалую. Хотя, согласитесь, надо

бы, особенно если учесть того старого маразматика, которому взбрело в голову развести в камине огонь. В результате с нашего этажа всех выселили – всех, кроме меня и господина Ихиро. Мы отказались уезжать. Куда? Господин Ихиро совсем один. Он возвращается домой, разогревает рис, готовит чай, вечно что-то строчит в своем блокноте, а при встрече отвешивает поклоны и рассыпается в любезностях. Надеюсь, он быстро вернется, а то мне одной здесь страшно до ужаса!

– Вас никто не навещает?

– Отчего же, внучка Мариетта каждое утро приносит мне еду. Но надолго не задерживается, сразу бежит, ей надо работать.

– Не волнуйтесь, – успокоил ее Виктор. – Господин Ихиро вернется на следующей неделе. Он попросил нас захватить его постельные принадлежности. Держите, это моя визитная карточка. Если кто-нибудь явится, попросите его зайти по этому адресу.

Согнувшись под тяжестью подушек, матраса и фотографического аппарата с мехами, Виктор и Жозеф начали дерзновенный спуск, оставляя за собой в фарватере белое облако, клубившееся белыми снежинками пуха. Жозеф, подрагивая ноздрями, без конца ворчал:

– Никакого уважения. А ведь вы знаете, что терпение не относится к числу моих добродетелей! Разве это жизнь, боже праведный! Разве это жизнь! Кстати, никакой матросской сумки не было и в помине.

Выйдя во двор и чуть было не столкнувшись с разносчицей хлеба, они свалили свою ношу в повозку. Солнце, поднимавшееся над фабричными крышами, обильно заливало город расплавленным золотом.

– Ихиро вернется на следующей неделе? – иронично заметил Жозеф. – А вы оптимист.

– Надо же мне было как-то успокоить его соседку.

– Послушайте-ка, а что за история с этим то ли испанцем, то ли славянином? Когда соседка забаррикадировалась у себя, он, скорее всего, вернулся и перевернул вверх дном всю квартиру, а она ровным счетом ничего не услышала. Что он мог искать?

– Если бы мы знали... У меня появились кое-какие вопросы, и я очень хотел бы осмотреть стрелу, которая убила Исаму.

– А мне больше всего хочется опять лечь в постель. Я так устал, а сил с каждым годом становится все меньше и меньше.

– Это, Жозеф, называется старением.

Жозефина округлила свой диалог с собратом першероном и перестала ржать, затем, утомившись от кокетливых заигрываний шляпы Виктора с ее крупом, решила тронуться с места.

Вдоль дороги тянулся бледно-голубой фасад прачечной, примыкавшей к мастерской шорника. В ее окне приподнялся угол занавески и показалось измученное лицо юной девушки, которая внимательно посмотрела вслед медленно удалявшейся бричке.

Робер Туретт доедал завтрак, сидя в обеденном зале «Палас-отеля», в котором он остановился накануне вечером, сойдя с поезда на вокзале Сен-Лазар. Двумя днями раньше прибывший из Соединенных Штатов пакетбот бросил якорь в Шербуре.

Робер краешком салфетки промокнул губы. Мимо неспешно прошла молодая женщина в грежевом костюме. Он оценил все ее достоинства и поставил шесть баллов из десяти. Затем спросил себя, какую оценку она поставила бы ему.

Он был мужчина в теле. Загорелые щеки, пятна румянца на скулах, длинные ресницы и густые пряди волос с серебристой проседью, обрамлявшие лоб, придавали его облику несколько демонический вид, который еще больше подчеркивала ироническая складка губ. Робер Туретт очень любил повторять – он родился не вчера. Так что с ним лучше не связы-

ваться! И в Париж он приехал отнюдь не для того, чтобы повеселиться среди рабочих в картузах, националистов с моноклями, щеголей в цилиндрах и их болтливых подружек с походкой роковых красавиц. Официально он прибыл, чтобы обратить в звонкую монету несколько контрактов с издателями, заказавшими ему ряд работ гуашью, но истинная его цель заключалась в том, чтобы уладить одно очень важное дело. Потом Туретт быстренько вернется в свое убежище, где его, вдали от посторонних глаз, дожидались две дамы с матовой кожей да куча ребятишек, охранявших сокровище, которое он копил в течение долгих лет. Робер допил кофе и погрузился в чтение «Фигаро». Первая полоса была посвящена восстанию в Китае, события в Трансваале предшествовали отчету о пострадавших от солнечного удара в результате ужасающей жары.

Меры предосторожности, которые следует предпринимать против зноя: выходить из дому только вечером. Ужинать на свежем воздухе. Спать ложиться поздно, чтобы насладиться относительной ночной прохладой...

Робер Туретт не сдержал улыбки. «Ну и хлюпики же они, эти европейцы, – валяются с ног как мухи!»

Он с наслаждением углубился в рубрику происшествий:

Трамвай против омнибуса... Кредитор, с которым обошлись далеко не лучшим образом... Пожар на улице Труа-Борн... Воры, промышляющие по табачным лавкам... Еще одно печальное событие под мостом Александра III.

Робер уже собрался было отложить газету, но тут его взгляд зацепился за заголовок:

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ

Около пяти часов утра мадам Аделина Фише, разносчица хлеба, направлявшаяся на работу на улицу Круа-Нивер, обнаружила труп мужчины азиатской наружности. Он лежал на земле в паре сотен метров от театра Гренель, грудь его была пронзена стрелой.

Робер задумчиво достал из кармана записную книжку и полистал ее. Затем подозвал официанта и попросил принести карту Парижа.

Глава четвертая

Тот же день, ближе к вечеру

По мере приближения четыре строения, возведенные на бульваре Делессер и набережной Пасси, все больше напоминали Фредерику Даглану¹²⁰монументальные двери. Даруют ли они отдохновение, к которому он так страстно стремился? После отъезда из Парижа семь лет назад, он истоптал на улицах Лондона не одну пару туфель, ловко применяя на практике свои таланты карманника. Девушка, уехавшая вместе с ним в эту ссылку, устала от такой безалаберной жизни и бросила Фредерика сразу после того, как овладела английским в достаточной степени, чтобы встать на ноги и обрести самостоятельность. Воспоминания о Жозетте Фату в его памяти были столь живы, что увидь он ее в толпе – с копной черных волнистых волос и корзинкой цветов на руке, настойчиво предлагающей свой товар парочкам, ищущим прохлады под сенью деревьев, – то ничуть не удивился бы. «Может, букетик? Он принесет вам счастье!» Счастье? Вздор! Он пообещал себе держаться подальше от улицы Буле, где его сердце когда-то попало в ловушку. Порой разум Даглана затуманивался и у него возникало ощущение возврата в прошлое. Ему очень хотелось, чтобы Жозетта вспылала к нему нежными чувствами, но она лишь создала видимость любви и последовала за ним не потому, что питала чувства, а лишь потому, что страстно хотела выбраться из нищеты. Если бы она хотя бы бросила его ради другого – тогда он смог бы ее ненавидеть и мысленно похоронить. После этого он больше не делил кров ни с одной женщиной, предпочитая десерт, услаждавший его в течение нескольких ночей, основательным вторым блюдам, которые надо было бы переваривать несколько месяцев. Уставший, напрочь лишившийся иллюзий, он прибыл в этот огромный, радостный город на Сене в надежде забыться и окончательно отточить мастерство, доведя его до совершенства. Фредерик уже скопил приличную сумму и мог бы вполне обойтись без этого вояжа, но в дело вмешалась гордыня. Он покидал Париж дичью, а вернулся сюда хищником. Фредерик Даглан собирался продемонстрировать всему этому туристическому отродью, съехавшемуся со всего мира, что королем воров является не кто-нибудь, а именно он. И прозорливым будет тот, кто вовремя заметит впившиеся в его кошелек когти. Желания? Сожаления? Раскаяния? К черту! Фредерик ослабился, и буря в его душе тут же утихла. Здесь, по крайней мере, ему было все знакомо.

Он заказал номер в третьем корпусе «Отелей Трокадеро», стоивший сто тридцать пять франков в неделю. Эта грабительская цена включала в себя проживание, завтрак, обед и ужин, а также четырнадцать билетов на Выставку, предоставлявших, к тому же, скидки в целом ряде парижских магазинов. Бронирование осуществлялось в конторе «Общества спальных вагонов и скорых европейских поездов²¹» в доме 3 на площади Опера. Фредерик Даглан явился туда и внимательно изучил рекламный проспект, предварительно поселившись в первом попавшемся доме с меблированными комнатами, чтобы запутать следы на тот случай если, несмотря на все меры предосторожности, полиция все же выйдет на него.

На сей раз Даглан решил прибегнуть к тактике, уже использованной им два года назад во время проживания в одном из отелей Брайтона. В «Отеле Трокадеро» он предстал в личине Уильяма Финча, коммерсанта из Бристоля. Дежурный администратор попросил заполнить бланк, не удостоив даже взглядом предъявленное ему рекомендательное письмо, но озаботился багажом.

²⁰ См. роман «Леопард из Батиньоля».

²¹ Международное общество спальных вагонов и скорых европейских поездов – основано в Бельгии в 1872 году. На рубеже XIX–XX веков осуществляло львиную долю ночных пассажирских перевозок в Европе.

– У меня только эта сумка. Завтра я отправлюсь на вокзал, куда доставят мой чемодан, господин... Феликс Жодье, – закончил он свою мысль, прочитав на медной дощечке фамилию тучного человека с багровым лицом, сидевшего за стойкой.

– Отлично, господин Финч, на этом все. Сейчас Гедеон покажет вам дорогу.

Молодой коридорный, юноша внушительного роста и телосложения, проводил до номера этого роскошного клиента – красивого седеющего господина лет пятидесяти, судя по легкому акценту, британца.

– Мебель приобретена в сверхмодном магазине «Бон Марше», так что вы, сударь, будете чувствовать себя как дома.

Фредерик обошел номер. Кровать, стол, шкаф, кресло, к комнате примыкают ванная и туалетная комнаты. Затем наградил Гедеона поистине царскими чаевыми, тут же завоевав его симпатию.

Оставшись один, Даглан повернул к стене висевшую над диваном репродукцию «Джонконды». Он терпеть не мог ни ее взгляда, будто в чем-то его обвинявшего, ни загадочную, ироничную улыбку. Фредерик никак не мог понять, почему все превозносили до таких небес эту прославленную красоту, в то время как сам он считал ее пошлой и безвкусной. Он открыл окно. С узкого балкона можно было увидеть Сену. Слева, на набережной Дебийи^{1,22} у левой оконечности садов, на холме Шайо расположилась Андалузия мавританских времен – аванпост Дворца колоний. На его вершине над разноцветными крышами возвышался дворец Трокадеро. Противоположный берег, Марсово поле, был украшен пирогом с воткнутой в него гигантской свечой, вокруг которого расположился целый опереточный городок, привлекавший толпы зевак, тяжело нагруженных сотнями сувениров с Всемирной выставки, достойных всех сокровищ Британской короны.

Даглан закрыл балконную дверь и внимательно присмотрелся к полу, покрытому безвкусным ковром с цветочным узором. Внимательно изучил края, прибитые гвоздями к паркету, и бросил взгляд на свои огромные карманные часы. Пять минут седьмого. Нужно полежать пятнадцать минут, немного привести себя в порядок и поужинать.

В ресторане, набитом битком, ему было зарезервировано место за столиком на четверых, где обедали одинокие постояльцы, главным образом мужчины. Напротив сидел цветущего вида тип с округлым брюшком, который представился Арчибальдом Янгом из Глазго, после чего, без лишних фасонов, вновь уткнулся в свою тарелку. Справа расположился американец – по крайней мере, такой вывод можно было сделать из «о'кей», которое он пролаял официантке, почтительно называвшей его «господином Уолтером». Это был хмурый субъект с тяжелым взглядом, густыми каштановыми бакенбардами на щеках и круглой шкиперской бородкой. Манерный англичанин по левую руку от шотландца – набриолиненные волосы и тоненькие усики – привстал и словоохотливо заявил о своем присутствии.

– *Pleased to meet you*, Энтони Форестер, из Лондона... Я плохо говорю французский, *but no problem* с деньгами и улыбкой, *it's very simple to amuse oneself in this wonderful Paris*^{23!}

– Уильям Финч, из Бристоля, – промолвил Фредерик Даглан, расстегивая пиджак.

Энтони Форестер удивленно вытаращился на него.

– *Sorry, I thought you were French*²⁴.

В меню предлагался стандартный набор блюд, подаваемых в ресторанах «Бульон Дюваль»²⁵. Суп, мясо или рыба, овощи, сыр, десерт и фрукты. Энтони Форестер оказался быстрее всех. В тот момент, когда Фредерик Даглан, он же Уильям Финч, погрузил ложку в

²² С 1945 года – Авеню Нью-Йорк.

²³ Очень приятно... – Это не проблема... – В этом изумительном Париже можно без труда найти развлечение (*англ.*).

²⁴ Простите, я думал, вы француз (*англ.*).

²⁵ «Бульон Дюваль» – сеть ресторанов, созданная Александром Дювалем. Славилась своими бульонами и супами.

густой грибной суп, Форестер встал из-за стола, отклонялся и удалился, оставив после себя запах фиалок, заставивший чихнуть американского ворчуна с бакенбардами, но ничуть не помешавший Арчибальду Янгу, который в этот момент как раз отрезал себе кусочек рокфора.

Фредерик Даглан лег спать рано, так как был подвержен неврастении, которая с каждым месяцем одолевала его все больше и больше. Все началось с незначительного приступа усталости, случившегося с ним во время прогулки по Национальной Галерее весной 1896 года. Тогда он надолго залюбовался полотнами Тернера²⁶. Картины маслом и акварели этого мастера увлекли его во вселенную, озаряемую чередовавшимися сполохами молний, воскрешающую в памяти сцены из собственной жизни Фредерика и вызывающую в душе острую ностальгию. Эти обострения, вначале довольно редкие, случались все чаще, пробивая брешь в его беззаботном отношении к тому, что будет завтра. Опасаясь обусловленных возрастом недугов, Даглан стал откладывать на черный день деньги, призванные поддержать его в старости, пряча их в надежных местах. Порой накатывала черная меланхолия, напрочь лишая его сил. Когда же она отступала, Фредерику приходилось долго восстанавливаться перед тем, как заняться чем-то новым.

Этим вечером, прежде чем встать, он битый час лежал в кровати, обессиленный и изнемогающий от жажды. Даглан направился в ванную и открыл кран, но обнаружил, что воды нет, и выругался. Выразить дирекции протест было нельзя – это могло воспрепятствовать воплощению в жизнь его плана. Фредерик слотнул слюну, зажег лампу у изголовья кровати и подошел к окну, чтобы убедиться, что шторы плотно задернуты.

Затем достал из дорожной сумки клещи и вытащил с их помощью шесть гвоздей, которыми был прибит к паркету угол ковра. Особый интерес у него вызвало расположение дощечек. Зубные щипцы, украденные у одного дантиста, оказались идеальным инструментом, чтобы их расшатать.

Стоя на коленях, он обливался потом и осторожно простукивал пол, представляя себя хирургом, рассекающим плоть пациента. Даглан предпочитал действовать медленно, лишь бы дощечки не издавали ни малейшего скрипа. Его усилия были вознаграждены в полночь, когда под паркетом обнаружилась полость. Фредерик снял брюки, скатал их в плотный ком, спрятал внутри и добавил к ним кошелек, не забыв предварительно вытащить из него все деньги.

Еле разогнув ноги, он перехватил в висевшем над камином зеркале свое отражение – смутный образ человека с голым торсом и в длинных кальсонах. Его решительное лицо приняло какой-то болезненный вид, в глазах стоял суровый блеск. Внезапно Даглана охватила неистовая тревога, и он спросил себя, не совершает ли безумия. Он кивнул головой своему двойнику, испытал в душе соблазн вновь улечься в постель, но устоял перед ним – работа была еще не закончена. Фредерик спрятал пачку банковских билетов и документы между стеной и трюмо, вновь вставил дощечки паркета в пазы, извлек из сумки кисть и баночку отдававшего смолой лака и покрыл им прямоугольный участок пола. Затем потянулся и выглянул на улицу. Было три часа ночи, во дворе царил кромешный мрак. Даглан открыл окно. Запах сосновой смолы улетучился. Страх прошел, дело сделано, теперь оставалось лишь следовать намеченному плану, и тогда все будет хорошо.

Фредерик прошел в ванную, прильнул ртом к крану и ухитрился проглотить пару капель ржавой воды. Затем присел на край биде, с удовольствием задымил сигарой, дождался, пока подсохнет лак, вернулся в комнату, придавил ладонью ковер и без труда вставил на место вытасщенные ранее гвозди.

²⁶ Уильям Тернер (1775–1851) – британский живописец, мастер романтического пейзажа, предтеча французского импрессионизма.

После чего отступил на шаг и залюбовался своим творением. Чистая работа. Даглан вытащил из дорожной сумки тиковый мешочек, сложил в него клещи, зубные щипцы, кисть и баночку с лаком, осторожно приоткрыл дверь и внимательно всмотрелся в коридор, освещенный тусклым светом ночников. Затем на цыпочках направился к лифту, примыкавшему к комнатенке, в которой хранились инструменты и хозяйственные принадлежности. Ключ от нее он позаимствовал в тот момент, когда коридорный провожал его до номера. Фредерик проскользнул внутрь и поставил баночку с лаком среди пакетов с моющими средствами. Клещи, зубные щипцы и кисть были спрятаны за мышеловками, а мешочек – под кучей тряпок.

Выйдя из кладовки, он заботливо вставил ключ в замочную скважину, затем тихонько прокрался к себе в номер и запер дверь изнутри. Вконец обессиленный, страдая от жажды, он повалился на кровать, даже не сняв покрывала. В горле от пережитого стоял ком, Даглана окутала своими складками черная завеса, очередной приступ страха погрузил его в череду кошмаров, конец которых всегда был неизменным: идущие по пятам полицейские загоняют его на вершину скалы, с которой он падает в бушующее море.

Глава пятая

Понедельник, 23 июля

Воды по-прежнему не было. Накануне вечером Энтони Форестер предпринял необходимые меры и запасся двумя бутылками «Виши-Селестен»²⁷, которые обошлись ему в непомерные чаевые. Для бритья она была далеко не идеальным вариантом, но за неимением лучшего... С зеркала на него смотрело отражение стройного мужчины с правильными чертами лица. Рваный шрам на впадине левой щеки лишь подчеркивал его очарование, но при более внимательном рассмотрении можно было заметить морщинки вокруг глаз и складки в уголках губ.

– Еще один скучный, неинтересный день, – проворчал он, открывая ящик комода, в котором в идеальном порядке было сложено белье. – Быстрее бы покончить с этим делом, мое терпение на исходе.

Энтони надел белую сорочку прямо на голое тело, завязал с третьей попытки галстук, пригладил вихор на голове, проверил содержимое бумажника, надел пиджак и вышел из номера.

Прислонившись к тумбе Морриса²⁸, человек в панаме из последних сил боролся с сонливостью. Энтони Форестера он поджидал вот уже два часа. Увидев, что англичанин вышел из отеля, человек испытал в душе живейшее облегчение.

Он поправил головной убор и пошел следом, не сводя глаз с разноцветного деревянного йо-йо, раскручивая его и возвращая обратно гибкими движениями кисти.

«Заурядный моцион, говоришь? – думал он, не переставая вращать свое йо-йо. – Куда-то он меня приведет, этот субъект?»

Они подошли к станции самодвижущегося тротуара и, разделенные приличным расстоянием, шагнули на более быструю полосу.

Энтони Форестер сошел на авеню Сюффрен, но вместо того, чтобы пойти на Выставку, повернулся к ней спиной и двинулся в сторону ограды, за которой высилась гряда гор и скал. Вдали над этим буколическим пейзажем, обильно украшенным сельскими домиками, мельницами и внушительной пасторалью, живописавшей крестьян, молочных коров и пастухов, возвышалось Большое Колесо.

– И везет же тебе, старина, – проворчал человек в панаме, – что рядом нет Вильгельма Телля с его яблоками!

Энтони Форестер боролся со скукой в Швейцарской деревне, тщетно пытаясь обратить на себя внимание дородной жительницы Оберланда²⁹, предлагающей гостям Выставки испить стакан теплого, пенного молока. Но врожденное отвращение к этому пойлу не позволило ему подойти к красавице. Засунув руки в карманы, англичанин сделал вид, что заинтересовался коровой с массивным ошейником, на котором болтался колокольчик. Утомившись от вида этого непрестанно жевавшего животного, он перешел к картине, изображавшей альпийский луг в окрестностях Берна, весь усеянный эдельвейсами. Он уже собрался расстаться с поющими пастухами в кожаных штанах, но тут рядом прошелестел женский голос:

²⁷ «Виши-Селестен» – французская марка минеральной воды, принадлежащая ныне компании «Нептун», которая входит в группу «Альма».

²⁸ Тумба Морриса – в Париже уличная высокая тумба цилиндрической формы для вывешивания афиш, названная по имени парижского печатника Габриэля Морриса.

²⁹ Оберланд – горная часть кантона Берн в Швейцарии.

– Горы мне надоели. Море надоело. Деревня тоже надоела. Я не знаю ничего более скучного, чем стадо скота на фоне вечных снегов. Я пришла сюда, чтобы отдохнуть от жары, обрести немного свежести и прохлады, но увы! Уж лучше асфальт, размягченный предвечерним зноем, да фонари, тускло освещающие раскаленные улицы! Вы не согласны?

Из ее тирады Энтони Форестер не понял ни единого слова, но вопросительный тон требовал ответа. Он наугад выдал оптимистичное «уес»³⁰, взглянул на собеседницу и тут же поддался чарам ее черных глаз, авантажной груди и иссиня-черной шевелюры.

Эдокси Аллар, бывшая великая княгиня Максимова, одно время водившая тесное знакомство с принцем Уэльским, овладела английским в достаточной степени для того, чтобы в весьма точных выражениях поведать о своем бурном прошлом. Поначалу она устроилась секретаршей в ежедневное издание «Паспарту», затем, в великую эпоху «Мулен Руж», стала танцевать канкан, взяв себе сценический псевдоним Фифи Ба-Рен. После развода с мужем, полковником конной гвардии Николая II, без сожалений променяла Санкт-Петербург на столь милый ее сердцу Париж, хотя по-прежнему очень любила белые ночи. К ее чувственности обращались театр, кинематограф и бесчисленные стареющие аристократы.

– Когда жизнь становится пресной, когда в ней больше нет ничего пикантного, я начинаю чахнуть. Я ведь еще молода и, к тому же, не замужем. Где он, мужчина, который устроит мне праздник жизни? Я обречена обедаться закусками, сидя дома напротив занудного старикашки! Вижу, вы человек состоятельный, и я уверена, что с вами скучно не будет!

Польщенный, очарованный изгибами тела и вульгарностью наивной простушки Эдокси Аллар, Энтони Форестер тут же повел ее подалее от швейцарских телушек, а заодно и их колокольчиков.

– Позволительно ли мне будет пригласить вас в одно место? У меня есть билеты на аттракцион, пользующийся огромным успехом.

– Да? Какой аттракцион?

– Дворец Сибири.

– Сибирь! Объятый морозом край изгнанников, ссыльных и каторжников! Вы что, смеетесь надо мной?

– Милая моя мадам, слово «Сибирь» в такую жару меня только бодрит. Мне будет очень интересно увидеть панораму железной дороги Москва – Пекин, по всей видимости, там нас ждут захватывающие зрелища. Не отказывайтесь, пересечь вместе с вами реку Амур для меня – преддверие nirваны.

Эдокси надула губки, взвесила все «за» и «против». Собеседник был мужчина привлекательный, предупредительный, элегантно одетый. Послать его куда подалее, если это знакомство станет ее слишком тяготить, она всегда успеет.

– Но ведь это черт знает где! – воскликнула дама.

– В Трокадеро, в паре кабельтовых от моего отеля. Я джентльмен и не стану утомлять вас марафоном под этим знойным солнцем – мы возьмем фиакр, который довезет нас до выхода. А потом пообедаем в русском ресторане и вы научите меня лакомиться их экзотическими фирменными блюдами.

Человек в панаме внимательно прислушивался к их разговору.

«Дворец Сибири, да еще в фиакре. Дело осложняется! Поторапливайся, дружок, и моли господу, чтобы эта милашка, более аппетитная, чем шербет, не передумала!»

Он проложил себе путь среди толпы жаждущих посетить дом Жан-Жака Руссо, обогнул хвост очереди в харчевню, где столовался Наполеон, когда стоял лагерем в Бург-Сен-Пьере, и бегом направился к ближайшей стоянке фиакров.

³⁰ Да (англ.).

Осмотрев вагоны Транссибирской магистрали, в которых чередовались салоны, обеденные залы, курительные комнаты, буфеты и спальни с примыкавшими к ним туалетами, Энтони Форестер и Эдокси Аллар залюбовались просторами непроходимых лесов, степей и тундры, которые пробегали на нескончаемом, движущемся полотне за окнами, создавая полную иллюзию реальности. А поскольку неподвижный поезд раскачивался из стороны в сторону, им казалось, что они не стоят на месте, а в самом деле едут. Эдокси, которую стало слегка подташнивать, взмолилась и попросила услужливого кавалера отказаться от русского ресторана.

– Мне до смерти надоели картошка, капуста, свекла и лук! У меня болит голова, давит корсет, я поеду домой.

Энтони Форестер пошел ва-банк.

– Ну хорошо, моя дорогая. Но в таком случае позвольте пригласить вас вечером на ужин. Куда бы вы хотели пойти?

– А давайте поглазеим на бомонд, сходим в «Максим». Этот ресторан сегодня в моде, вы будете в восторге.

– Куда мне за вами заехать?

– В последнее время я живу в доме 14 на улице Сент-Огюстен, второй этаж налево.

Человек в панаме заметил их в тот самый момент, когда они вышли из Дворца Сибири. Он крутанул свое йо-йо, поправил на носу затемненные очки и лениво направился к парочке. Два балалаечника изливали на прохожих меланхолический ритурнель:

Очи черные...

– Я ничего не понял, – прошептал Энтони Форестер на ушко своей спутнице.

Эдокси открыла влажный, чувственный рот.

– «Очи черные, очи страстные. Очи жгучие и прекрасные», – вполголоса молвила она, хлопая ресницами.

Йо-йо человека в панаме вновь легло в руку. Усиленно виляя задом, женщина уселась в коляску рикши.

Человек в панаме разжал ладонь, и йо-йо будто зависло в воздухе.

– Пора начинать, – прошептал он.

Затем нетвердой походкой двинулся вперед, столкнулся с Энтони Форестером, пошатнулся, схватил его за плечи, якобы чтобы не упасть, и ловким жестом опустил в карман его пиджака конверт.

По возвращении в отель Энтони Форестер, развалившись на диване в кальсонах и подвязках для носков, вновь и вновь прокручивал в голове скверную новость. Какая глупость – все шло как по маслу, и вдруг из-за какой-то жалкой песчинки хорошо смазанный механизм операции заклинило. Сначала он подумал, что это шутка, но подпись под письмом не оставляла никаких сомнений. Скорее всего, конверт ему подбросил сумасброд в затемненных очках. Кто этот тип? Сообщник, о существовании которого он ничего не знал? Или совершенно посторонний человек, которому поручили эту миссию за вознаграждение? Поди теперь узнай! Да и потом, зачем задействовать посредника, чтобы выйти на связь? Энтони несколько раз перечитал послание. Он не станет подчиняться – это слишком опасно. Может, патрон чокнулся? Зачем назначать встречу в месте, где за ними могут следить? Это же чистой воды безумие! Форестер сложил записку, сунул ее в бумажник и решил забыть об этой досадной неприятности.

«Не пойду. Свою часть контракта я выполнил. Я сыт этим делом по горло и в ближайшие дни...»

На узкой скамейке, пропахшей кожей и потом, фиалковый запах Энтони смешивался с ароматом парфюма от Любена, которым надушилась Эдокси Аллар. Не успел он страстно поцеловать куртизанку и заняться изучением ее корсета, как фиакр подъехал к тротуару на улице Руаяль и встал в длинном ряду автомобилей «Де Дион-Бутон» и «Клеман-Гладиатор».

У входа в «Максим» топтались полуночники, всю пользуясь возможностью вволю полюбоваться монументальным входом на Выставку на площади Согласия. Над золоченым шаром, опираясь на три арки, покрытые разноцветными кабашонами, возвышалась статуя «Парижанка». Со шляпой в виде символической парижской барки на голове, она напоминала собой богиню, которая сошла с Олимпа, чтобы повести за собой заблудших путников. По крайней мере, Энтони Форестеру показалось именно так. Но Эдокси остудила его восторг.

– Это вам не Роден. В крайнем случае – страшная, жирная потаскуха, да к тому же свихнувшаяся. Или Юнона, которую выгнали из публичного дома. Впрочем, этот ресторан стал подлинным пунктом сбора титулованных гостей как раз благодаря своему расположению у главного входа.

Прилагая отчаянные усилия, они проложили себе путь в толпе.

– Эй, Ирма, как жизнь, ничего? Привет, Лиана. Ой, Клео, прости, не признала тебя, здесь за места настоящая драка.

Эдокси надрывалась в гулком гомоне голосов, который перекрывали собой крещендо оркестра, наяривавшего «Две фиги Урсулы»¹.³¹ Знакомые называли Эдокси Фифи или Фьяметтой и всю лорнировали ее кавалера, спрашивая себя, кто он такой. Шуршали юбки, то и дело входя в соприкосновение с фалдами фраков, трости с серебряными набалдашниками соседствовали с чесучовыми зонтиками, собравшиеся бурно приветствовали то принцессу Караман-Шиме, урожденную Клару Уорд, сохранившую, несмотря на развод с мужем, этот титул, то герцога Огюста де Морни.

Наконец они добрались до столика, который после обеда зарезервировал Энтони. Эдокси заметила ему, что столики 16 и 23 у буфета на возвышении, прозванного «Омнибусом», где их усадил вышколенный мэтр Жерар, предназначены для сливок общества. Форестер слушал ее вполуха, поражаясь вычурному декору, в котором зеркала в рамках из резного дерева чередовались с фресками, живописавшими резвящихся среди кувшинок наяд.

– Ну, что скажете, мон шер? – поинтересовалась Эдокси. – Это вам не показная добродетель Альбиона, не так ли? «Максим» – вотчина женской половины аристократии, хотя первенствуют здесь куртизанки и дамы полусвета. Взгляните вон на ту леди, чьи тела буквально рвутся наружу из корсета – это Афродита д'Анген, а тощее нагромождение щипцов для спаржи чуть дальше, слева, – Мелузина де ла Пателин. Если вам нужны те или иные сведения, обратитесь к Жерару, он у нас лучший специалист по знаменитостям. Я буду называть тебя «Мой принц», «Ваше Высочество», «Господин герцог»... И он, если попросить, покажет вам всех тех, кто лелеет надежды на восстановление империи или королевства.

– Признаюсь, мне нечасто доводилось видеть столько жемчуга, перьев и сатина. А что это за тип с карандашом переходит от столика к столику?

– Близорукий коротышка в поношенном фрачишке? Это, с позволения сказать, местный Лотрек. Рисует шаржи на клиентов и называет себя Симом, сыном Ноя, ну, вы знаете, Великий потоп, Ковчег, голубь, пальмовая ветвь и прочая белиберда. Его буквально рвут на части. На самом деле этого субъекта зовут Жорж Гурса³², он является отпрыском бакалейщика из Перигё. Выходцев из низов здесь полным-полно. Видите вон того штатского в шляпе-кронштадтке и галстук в горошек? Это Годфруа де Бульон-младший, его отец был мясником.

³¹ Партитура опубликована издательством «Вуари и компания», Париж, ул. Ришелье, 81.

³² Жорж Гурса (1863–1934) – французский художник-кариатурист.

– Что-что?

– Использование прозвищ свидетельствует об определенном чувстве юмора. Для вас, англикашек, это же конек, разве нет? Годфруа, он же Александр Дюваль, является наследником знаменитых бульонов.

– Бульонов? Супов?

– Да нет, я имею в виду недорогие рестораны, в которых подают сытные блюда. Из жалких грошей пролетариев Александр скопил целое состояние и теперь живет припеваючи!

Когда принесли меню, Энтони Форестер тут же оценил его дороговизну. Тридцать франков на человека его испугали, поэтому он попросил принести лишь бокал шампанского, сославшись на то, что уже ужинал.

«Вот крыса!» – подумала Эдокси и заказала, хоть и не была голодна, дюжину остендских устриц, морской язык а-ля Полиньяк, венский эскалоп и салат из шиншиллового кролика. Заказала – только чтобы увидеть, как ее покровитель побледнеет, и, тем самым, доставить себе удовольствие.

– Цены в «Максиме» умеренные – если ужинать до десяти часов, можно уложиться в луидор, – вероломно процедила она. – Но если нагряться сюда позже, это уже обойдется намного дороже.

Энтони Форестер поперхнулся. Слово «дорого» воскресило воспоминание об имени, давно похороненном в самых потайных закоулках памяти: Раймон Лакуто³³. Соглашаясь принять участие в данном деле, Энтони предпочел не думать о зловещей участи, уготованной этому человеку. «Несведущий не видит даже того, что бросается в глаза», – сказал он себе тогда. Для очистки совести он превратил Лакуто в идеальный образчик дельца самого низкого пошиба: в грязного типа в колониальном костюме, с палкой в руке, который сидит под навесом бунгало в непроходимой сенегальской глуши, а рядом стоят двое предупредительных слуг-мальчишек – один из них подает ему лимонад, другой обмахивает веером из страусовых перьев. При мысли о том, что убийца Лакуто живет в Париже, его опалила внезапная вспышка страха – будто кто-то приставил к горлу холодный клинок.

– Что-то вы побледнели, мон шер. Это шампанское на вас так подействовало? Или загипнотизировал этот грубиян?

Эдокси показала на американского стального магната в кремовом костюме и бледно-зеленом жилете, на коленях которого сидели сразу две красотки, слишком вульгарно накрашенные.

– Нет-нет, я просто задумался.

– С вами все ясно! Даю руку на отсечение, что под занавес этого вечера вы собираетесь сводить меня в «Брассери дю Дерби» в предместье Монмартр. Блюда там будут подавать сомнамбулического вида дамы в жокейских костюмах.

– Вам, право, нелегко угодить!

– Да, я хочу пить! Гарсон! Смородинового ликера с водой.

– Может, вам, мадам, больше понравится нежное розовое вино из Прованса? Оно сохранило вкус винограда. Минеральной воды у нас почти не осталось, а сбои с водоснабжением могут затянуться надолго.

– В таком случае несите большую бутылку, литра на полтора-два. Так что вы говорили, мой дорогой друг? – спросила она у Энтони, в чьей душе боролись два чувства – беспокойство по поводу чрезмерных трат и восхищение Эдокси, которая никак не могла утолить свою жажду.

– Нет-нет, ничего.

³³ Игра слов. Часть фамилии «Лакуто» по-французски звучит похоже на прилагательное «дорогой, дорогостоящий».

– Когда часы пробьют полночь, придет время заглянуть в вашу берлогу, мой дорогой. Я сгораю от желания побыстрее оказаться в ваших объятиях.

Энтони уплатил по счету, на его взгляд чрезмерно завышенному, с одной стороны шокированный, с другой – очень довольный прямоотой этой дамы. Он слегка дрожал и поэтому опрокинул на себя бокал, наполовину наполненный вином. Форестер приложил к карману пиджака салфетку, чтобы промокнуть жидкость, но все было тщетно – бумажник все равно намок, и он вновь вспомнил о записке с угрозами, которую ему передали в манере, позаимствованной из сочинений о Рокамболе³⁴. Несмотря на влажную жару, Энтони вздрогнул. Почему патрон решил отступить, рискуя тем самым все испортить?

³⁴ Рокамболь – герой цикла романов Понсона дю Террайля. Умный, коварный злодей, впоследствии перешедший на сторону добра.

Глава шестая

Вторник, 24 июля

Фредерику Даглану с лихвой хватило бы денег прожить несколько месяцев в одном из «Отелей Трокадеро». Его поведение было продиктовано не жадностью или нуждой, но необходимостью доказать самому себе, что, несмотря на пятидесятилетний возраст, он еще вполне способен придумать ловкий и хитрый ход, чтобы оставить в дураках себе подобного.

В данном случае этим ему подобным был Ламбер Дутремон. До конца Выставки ему предстояло исполнять обязанности главного администратора одного из четырех отелей Трокадеро, после чего он рассчитывал получить должность директора в роскошном заведении на Больших бульварах.

Ламбера Дутремона известил дежурный администратор Феликс Жодье, который и сам был в шоке после того, как ему из номера позвонил Уильям Финч.

Они вдвоем постучали в дверь коммерсанта, который тут же открыл им в рубашке, жилете и обмотанном вокруг бедер банном полотенце.

– Это уже слишком! И вы называете это отелем? Ночью у меня украли брюки. В которые я накануне положил бумажник со всеми деньгами, документами и квитанцией из камеры хранения багажа на вокзале. Я требую немедленно известить полицию!

Фредерик Даглан говорил с легким британским акцентом. Слова хоть и произносились отчетливо, но, казалось, требовали тщательного обдумывания. Ламбер Дутремон напустил на себя огорченный вид.

– Навероятно. У нас в жизни не было краж. Полнейшая честность и порядочность...

– Разбойничий притон, вот что вы здесь устроили!

– К тому же, – добавил Феликс Жодье, не доверяя возмущенному клиенту, – мы несем ответственность только за то, что постояльцы хранят в нашем сейфе.

– Вы что, хотите, чтобы я оставлял на хранение в сейфе брюки?

– Узнаю иронию, в вашей стране она довольно своеобразна, – парировал дежурный администратор, деланно улыбаясь.

– В конце концов, это просто смешно! – воскликнул Ламбер Дутремон. – Вы что, не заперли дверь на ключ?

– Как это не запер? Вор воспользовался отмычкой, ведь следов взлома и в помине нет. Подумать только – в рекламном проспекте вы до небес превозносите безопасность вашего заведения!

– А почему вор довольствовался только брюками? Они что, были уникального покроя? – спросил дежурный администратор, показывая пальцем на лежавший в кресле пиджак.

– А мне почем знать? Этот грабитель явно действовал вслепую и, чтобы выиграть время, схватил что попало под руку. Ну что, вызываем полицию?

Ламбер Дутремон и Феликс Жодье переглянулись. Им было совершенно ясно, что этот Уильям Финч проходимец. Вместе с тем они отчетливо сознавали, что он без колебаний подаст жалобу, устроит скандал и тем самым дискредитирует «Отели Трокадеро». Газеты этот скандал раздуют, клиенты соберут манатки, переедут в другие отели, и тогда – прощай, желанное повышение! Над карьерой двух администраторов нависла угроза.

– В кошельке была большая сумма?

– Три тысячи франков, – без запинки ответил Фредерик Даглан.

Ламбер Дутремон судорожно сглотнул ком в горле.

– Поскольку ничто не доказывает, что вы говорите правду, полностью возместить ущерб я не предлагаю, но частично убытки мы вам компенсируем. Кроме того, вы можете жить и питаться у нас сколько вам заблагорассудится, плюс к этому я пришлю портного, чтобы он сшил вам новый костюм.

Фредерик Даглан сделал вид, что обдумывает сделанное ему предложение.

– Такой вариант меня устраивает.

– При условии, что этот компромисс останется между нами, – добавил Феликс Жодье.

– А как же мой багаж?

– Мы заберем его сами, с квитанцией или без нее, – решительно отрубил дежурный администратор и злобно оскалился. – Ну что, договорились?

– Да. Из-за поломки водопровода я не могу даже умыться.

– Не вы один от этого страдаете. С учетом непомерного потребления горожанами воды в этот жаркий период, сегодня ночью мэрия Парижа отключила ее. Ставлю вас в известность, что гидравлический лифт не работает.

– Знаю. Вчера вечером я заметил, что двери в лифт приоткрыты, попытался их закрыть, но не смог. Что бы вы ни говорили, но на лифтера можно было раскошелиться!

– Подача воды будет возобновлена через полчаса. – ответил Ламбер Дутремон, не вступая в полемику. – И хотя она немного мутновата, инженеры заверили нас, что качество ее остается на высоте благодаря фильтрации в хранилищах Сен-Мора и Иври. На этом разрешите откланяться, сначала вам принесут завтрак, затем придет портной.

Вежливо обмениваясь прощальными фразами, они увидели, что в коридоре торчит человек.

– Здравствуйте, господин Уолтер. Все идет в полном соответствии с вашими желаниями?

– О'кей, о'кей.

Молчаливого американца Фредерик Даглан узнал по широким бакенбардам, мельком виденным в обеденном зале. Тот выстрелил в него взглядом, столь же неприветливым, как и накануне вечером, и тяжелой поступью удалился.

У Филаминты Демелан были два предмета особой ненависти: Великая французская революция и гидравлические лифты. Первая отняла у ее предков состояние, лишила частицы «де», указывавшей на знатное происхождение, и низвела до состояния простолудинов, грозившего затянуться на несколько столетий. Вторые, недавнее появление которых было призвано облегчить ее страдания, вызванные хроническим флебитом, оказались лжедрузьями, склонными постоянно ломаться.

– Бедные мои ноги, как же им приходится страдать в такую невыносимую жару! Это не вены, это веревки какие-то, все дергают и дергают! Чтобы они не воспалились еще больше, я за обедом лишь чуток поклою, как какая-нибудь колибри, но все без толку! Ерунда все это. Вся беда в том, что лифт опять не работает, потому как нет воды.

Служанка, которую коллеги прозвали Черепахой из-за вынужденного голодания и апатичного вида, вот уже битый час изливала на кухне свои жалобы и стенания.

– Если хотите, я могу вместо вас взять подносы, подняться на третий этаж и разнести заказы клиентам в номера, – услужливо предложил Эмабль Курсон, рабочий кухни, нанятый временно в разгар сезона.

– Вы хотите сделать это за меня? Нет-нет, я не отказываюсь. Китайский чай и бутерброды с апельсиновым мармеладом господину Финчу в двадцать четвертый и чай с молоком, яйца, сваренные в кипящей воде без скорлупы, бекон и тосты господину Форестеру в двадцать шестой.

– Два подноса?

– По одному в каждой руке, наивный вы человек! Затем спуститесь за другими, а подносы из номеров 24 и 26 заберете. Уяснили своей головой?

Эмабль Курсон, в обязанности которого обычно входило лишь наполнять водой чайники и кофейники, а также раскладывать по блюдам масло и конфитюр, тут же проклял Черепаху вплоть до седьмого колена.

– Постойте-ка, наденьте что-нибудь почище, а то ваша тужурка вся в пятнах.

Эмабль Курсон забаррикадировался в раздевалке, чтобы сменить одежду. Он принадлежал к категории людей, которые слишком рано взрослеют, но потом бросают вызов времени, больше не властвующему над их внешностью. И поскольку все считали его мужчиной лет сорока, он решил признавать за собой этот возраст до тех пор, пока новые морщины не заставят прибавить к этой цифре еще десяток годков.

В то же время его скелет всячески противился грузу этой лжи, а суставы похрустывали, свидетельствуя о том, что двигаются навстречу своей гибели.

Постоялец из двадцать четвертого номера встретил его в странном наряде – рубашка, жилет и банное полотенце, обмотанное вокруг бедер.

– Знаете, что-то этот ваш портной опаздывает.

Избавившись от подноса и пробормотав невнятный ответ, Эмабль Курсон поторопился в двадцать шестой.

Возобновление подачи воды полчаса спустя было встречено бурными аплодисментами.

– Филаминта, у нас нехватка персонала. Поскольку лифт вновь заработал, вы поможете горничной произвести в номерах уборку, – заявил Ламбер Дутремон, обходя с инспекцией помещения отеля. – Займитесь номером 26, в котором проживает Энтони Форестер. Полетта, скажете Филаминте, где взять простыни.

Юная Полетта, в восторге от того, что ее освободили от нелегкой работенки, адресовала милую улыбку старой Филаминте, которая решила спустя рукава убрать в номере, где проживал извечный враг Франции.

Вооружившись универсальным ключом, она вошла в номер, пропахший сигарами и фиалковой водой. Затем взяла поднос, переставила его на соломенный коврик, подошла к окну и открыла жалюзи. По дороге подняла подвязку и скривилась от отвращения. Вот оно что, значит, этот «бифштекс»³⁵ принимает у себя женщин! А раз так, то и вся постель перепачкана, в этом нет никаких сомнений. Какие же они все-таки грязнули, эти мужчины, она поступила мудро, что осталась в девицах! Филаминта пару раз махнула веником, смела пыль под ковер, вытащила из-под вазы кружевную салфетку, протерла ею, как тряпкой, плитуса и спинки стульев, вытряхнула в окно и направилась в ванную.

Туалетная комната была немым свидетелем неопрятности человеческого рода. Хотя свет в нее проникал лишь через узкое окошко в дальней стене, прилипшие к эмали волосы можно было разглядеть и без лупы. Мыльные разводы, следы недавнего бритья насухо в отсутствие воды напоминали Филаминте водоросли, выброшенные на песчаную отмель в Барневиле, маленьком городишке на полуострове Котантен, где она в юности работала на ферме, не разгибая спины. Филаминта уныло взглянула в зеркало, все в маленьких точечках, оставленных по причине небрежного обращения с зубной щеткой. Она наклонилась к своему отражению, поправила шиньон, улыбнулась... и застыла как вкопанная. Кроме нее, в комнате был кто-то еще. За ее спиной страшным, набитым соломой чучелом, виднелась какая-то темная масса.

³⁵ «Бифштекс» – презрительное прозвище, которым французы называют англичан.

Филаминта была не в состоянии пошевелиться, мышцы напрочь отказывались ей подчиняться. Она сделала над собой нечеловеческое усилие и повернулась.

Съежившись в промежутке между ванной и биде, на нее, оскалив рот, смотрел человек. На рубашке проступила алая полоса, из груди торчала стрела с красным оперением.

Филаминта поднесла руки к щекам, затем к замершему сердцу. Ее неистовые вопли, покотившиеся с этажа на этаж, привели к неоднозначным результатам.

Полетта в номере 22 остановилась, застыла на месте и констатировала, что мочевого пузыря сыграл с ней злую шутку.

Шавка, оставленная хозяином в номере 18, задрала нос к потолку и попыталась тявкнуть, но ее першившее горло смогло издать лишь немощное урчание.

Одна почтенная матрона запуталась в своих многочисленных юбках и упала вверх тормашками, взбрыкнув в воздухе ногами.

В номере 24 Фредерик Даглан, он же Уильям Финч, выскочил из туалетной комнаты, позабыв полотенце, служившее ему набедренной повязкой. Он выбежал на лестницу, вспомнил о своем недостойном виде, вернулся за полотенцем и вновь вылетел в коридор в тот самый момент, когда горничная рысцой неслась к ступенькам:

– Покойник! – голосила она. – Как же у меня болят ноги! Я сейчас умру!

Затем заперлась в лифте, который стал спускаться вниз.

Несколько шагов – и Фредерик оказался у открытой двери соседнего номера. Он вошел, не увидев ничего необычного и направился в ванную.

Поначалу вид трупа не оказал на него никакого влияния. Раньше Даглан уже смотрел в лицо смерти, и хотя равнодушным его назвать было нельзя, единственным чувством, которое он испытывал в данный момент, было опасение, что его заподозрят в причастности к этому делу.

В то же время руки Фредерика слегка задрожали, когда он похлопал по карманам пиджака убитого, узнав в нем приветливого британца, сидевшего с ним за одним столом в обеденном зале. Того самого англичанина, который ночью принимал у себя даму.

Не успела в голове Даглана забрезжить блестящая идея, как он тут же приступил к ее осуществлению. Он завладел бумажником Энтони Форестера, развязал шнурки на его туфлях, снял их, расстегнул пояс, приподнял тело и стащил брюки. Это дело, которое он провернул с необычайной ловкостью, отняло больше времени, чем предполагалось вначале. Прижав к груди штаны с бумажником, Фредерик поспешил вернуться к себе в номер, лишь чудом избежав встречи с толпой, галопом несущейся в покои убитого.

Внимательно прислушиваясь к шуму, который становился все громче и громче, Даглан подумал было смотать удочки, но тут вспомнил, что на нем нет брюк.

В дверь постучали. Фредерик спрятал добычу под матрас и увидел перед собой чопорного субъекта с отяжелевшими веками и кожаной сумкой в руках.

– Господин Финч? Я портной Морлан, пришел снять мерки. Меня попросили сшить вам костюм.

Фредерик Даглан сдался без боя. Покопавшись в своей сумке, портной потряс в воздухе сантиметром и опоясал им плечи нового клиента. Дверь вновь открыли и в номер ввалились сотрудники отеля, незадолго до этого удостоверившиеся в правдивости слов Филаминты.

– Господин Финч! Вы, случаем, не слышали? В 26 номере шума никакого не было?

– Еще как слышал! Позвольте заметить, что ваши рекламные проспекты лгут. Тишина? Здесь, в этом отеле? Смешно! Проходной двор какой-то! Вечно кто-то уходит, кто-то приходит, кричит как полоумный. Вы что, готовитесь к проведению карнавала?

– Вы это нарочно говорите?

Филаминта Демелан, со съехавшим набок шиньоном и еще не оправившаяся от страха, вызванного прикосновением к смерти, с выражением ярости на лице в упор смотрела на этого грубияна в жилетке и полотенце, обмотанном вокруг бедер.

– Попрошу вас не выходить из отеля, произошло... произошел несчастный случай, мы вызвали полицию, которая, несомненно, допросит как персонал, так и наших постояльцев, – заявил Ламбер Дутремон.

– Куда мне идти? – парировал Фредерик Даглан. – Если я выйду на улицу в таком виде, меня тут же возьмут под белые ручки и отведут в участок. Да и потом, мне кажется, не стоило ничего рассказывать... как это по-французски?... ах да, фликам³⁶, чтобы не пятнать репутацию вашего заведения.

Он в гневе мерил шагами комнату, за ним по пятам следовал портной, отчаявшийся снять необходимые мерки.

– Никакой связи между нашей с вами историей, разве что... отсутствие штанов... Да, в сложившихся обстоятельствах мы вынуждены рассказать о причиненном вам ущербе.

– Из того, что вы говорите, я не понимаю ни единого слова.

– У нас украли уже вторые штаны, только на этот раз... их владелец умер насильственной смертью.

Чтобы изобразить на лице удивление, Фредерику понадобилось все его присутствие духа. Полотенце соскользнуло на пол, явив взорам собравшихся длинные кальсоны. Через ширинку проглядывал неизменный мужской атрибут, который деликатность запрещает демонстрировать по поводу и без повода.

Феликс Жодье подбородком указал на этот изъян в одежде. Фредерик Даглан недоуменно уставился на него и, наконец, замер на месте – к большому облегчению портного.

– Э-э-э... там, внизу, застегните вашу...

Мнимый негоциант из Бристоля увидел свою досадную оплошность и оставил без внимания кудахтанье Полетты.

– Как бы там ни было, вы же не собираетесь сказать, что организованная шайка злодеев выпускает кишки из мужчин, остановившихся в этом отеле, только ради того, чтобы стащить у них брюки?

– И бумажники тоже, – со значением сказал Ламбер Дутремон.

– В таком случае мне повезло, чертовски повезло! Из постояльцев больше никого не убили? – безразлично спросил он.

От волнения черты лица Ламбера Дутремона исказились.

– Шутка грубая и отдает дурным вкусом.

– Вот журналисты будут облизываться. Кстати, а каким образом моего соседа отправили на тот свет?

– Всадили стрелу прямо в яблочко! – воскликнул Геден.

– Ну вы остряк!

– Может, по ту сторону Ла-Манша и любят подобные развлечения, но у нас, во Франции, с убийцами не шутят, мы их преследуем и отрубаем им головы! – заявила Филаминта.

– Что касается нас, то мы в отношении их довольствуемся виселицей, – метко заметил Фредерик Даглан, – это служит доказательством того, что при отправлении правосудия и вы, и мы поступаем как варвары.

– Вот тебе раз! – дала ему отпор Филаминта. – Вы жалуетесь, что преступников казнят? Но ведь в противном случае людей, как сегодня, убивали бы пачками!

Ламбер Дутремон велел женщине замолчать.

³⁶ Флик – разговорное прозвище полицейских во Франции.

– Господин Финч, у нас останавливаются лишь привилегированные постояльцы, – заявил Феликс Жодье, – бьюсь об заклад, что в этом отеле вы не встретите ни одной подозрительной личности.

– Вы правы, воры, охотящиеся за чужими штанами, отдают предпочтение роскошным отелям, но по зрелому размышлению я обратил внимание на некоего господина, чья физиономия совершенно не внушает мне доверия. Он носит густые бакенбарды, а глаза его – настоящие торпеды.

– Должно быть, вы имеете в виду господина Мэтью Уолтера, – вмешался в разговор дежурный администратор Феликс Жодье.

– Да он обходительнее монастырской привратницы, – добавил Гедеон.

– Вы наговорите! Этот отель не имеет с монастырем ничего общего, здесь кишмя кишат особы, торгующие своими прелестями. Около полуночи мой покойный сосед принимал у себя даму, мне пришлось слушать, как они предавались любовным утехам, стены-то ведь из бумаги.

– Господа, господа, как я могу работать, если вы без усталости обрушиваетесь на этого господина с нападками? – заскулил портной, тщетно стараясь снять с торса Фредерика Даглана мерку.

– Полиция распутает этот клубок, – процедил сквозь зубы Ламбер Дутремон.

– Я буду разговаривать с инспекторами только в надлежащем костюме, так что дайте господину Морлану спокойно работать, – приказал Фредерик Даглан. – А заодно унесите поднос.

Номер опустел. Портной закончил снимать мерки и откланялся, пообещав через два часа прийти с готовым костюмом.

Фредерик Даглан выждал несколько минут, осторожно выглянул в коридор и направился в кладовку за своими инструментами. Он чуть было опять не потерял обернутое вокруг бедер полотенце. Обратный путь в номер неожиданно преградили две молодые женщины, дожидавшиеся лифта. Как только они оказались в кабине, Фредерик Даглан метнулся к себе. Затем в темпе разложил все необходимое, приподнял ковер, извлек несколько паркетных дощечек и добавил к собственным брюкам штаны Энтони Форестера. Если бы полицейские решили провести обыск по всем правилам, их ждал бы богатый улов. Поэтому бумажник Энтони Форестера перекочевал в тайник – вместе с деньгами и документами, до этого спрятанными за трюмо. Фредерик с сожалением заделал дыру в паркете, нанес слой лака и прибил обратно ковер. Быстрее, быстрее – здесь вот-вот будут флики. Отнести инструменты в кладовку, вернуться обратно, закурить гаванскую сигару – чтобы отбить запах лака – и выпить стакан воды. Подобная гимнастика была не для его возраста, и сердце Даглана отплясывало джигу. Тут он увидел у ножки кресла квадратик бумаги, забрызганный красными пятнами. Откуда он выпал? Фредерик вспомнил конверт, торчавший из бумажника Форестера.

Клапан, закрывавший его, был тут же отклеен. Фредерик извлек лист, исписанный неразборчивым почерком. Слова на нем читались с трудом, некоторые фразы были полностью залиты кровью. Он поднес письмо к лампе у изголовья кровати, но прочесть недостающие буквы так и не смог. Даглан сел за стол. Такого признанного специалиста по тайнописи подобная помеха остановить не могла.

Взяв в руки карандаш, он принялся за дело. По мере того как пробелов становилось все меньше, лицо его мрачнело все больше и больше. Фредерик с озабоченным видом спрятал записку в кальсоны, надеясь, что в своих подозрениях полицейские не дойдут до того, чтобы заставить его раздеваться. Как только ему принесут костюм, он отправится по адресу, запечатленному в памяти, вернет старый долг и предупредит человека, которого ему не суждено забыть до конца жизни. Даглан обязан для него это сделать. К счастью, у него осталось

достаточно денег, чтобы нанять фиакр. Он отправится к нему завтра. Фредерик расшвырял подушки, рухнул на смятые простыни и стал ждать вторжения полиции.

На том же этаже, в двадцатом номере, Арчибальд Янг подстригал усы. В дверь постучали. Не желая видеть сейчас горничную, он приготовился послать ее куда подальше, но, увидев перед собой сурового вида мужчину, изумленно застыл на месте. Незванный гость протянул визитную карточку, обличавшую его как главного комиссара полиции, без приглашения вошел и замер посреди комнаты, прямой, как фонарный столб.

– Комиссар Вальми, из префектуры, – слащаво произнес он.

Арчибальду показалось, что, несмотря на серый костюм, мольтоновую рубашку и бежевый галстук, посетитель своими манерами похож на англиканского священника. Янг обратил внимание, что изумительные туфли у него на ногах начищены до блеска.

– Чем обязан чести принимать вас у себя? – спросил он по-французски с едва заметным британским акцентом.

– Перейду прямо к делу. В двадцать шестом номере было совершено убийство. Жертвой стал Энтони Форестер. Англичанин, как и вы.

Чтобы произвести еще лучшее впечатление, Арчибальд Янг выпятил грудь.

– Вы совершаете ошибку, комиссар, я шотландец.

– Давайте не будем отвлекаться на детали. Я хочу знать, чем вы занимались. Начиная со вчерашнего вечера.

– Спал, храпел, по обыкновению, пару раз вставал, чтобы удовлетворить естественную нужду.

– Подозрительного ничего не слышали?

– Слышал и намереваюсь обратиться к дирекции с жалобой. Неоднократно громко лаяла какая-то шавка.

– Вы обратили внимание, в котором часу эта шавка заявляла о себе?

Арчибальд Янг смерил полицейского взглядом и облизал губы.

– Вы полагаете, я стану записывать в дневник причуды какой-то тывкушки?

– Это было бы очень кстати. Энтони Форестера, постояльца из 26-го номера, убили стрелой в промежутке между полуночью и восемью часами утра. А перед этим жестоко пытали.

На лице шотландца отразились первые признаки волнения.

– Надеюсь, меня вы не подозреваете. Я даже обыкновенной рогатки в руках никогда не держал.

– Я подозреваю всех без исключения, такая уж у меня работа. И был бы не против устроить вам очную ставку с рабочим кухни, который приносил завтрак в номер Форестера, ведь если верить слухам, которые распространяет персонал, еду в номер доставили не покойному, а другому человеку. Но к сожалению, этого рабочего наняли временно, он то придет, то уйдет, что несколько усложняет ход моего расследования.

– В его поведении нет ничего необычного. Если он видел злоумышленника, то теперь боится, что его тоже убьют. Это вполне нормально. Ваш рабочий сбежал, заклиная небеса сохранить ему жизнь. Что касается меня, то принесенной утром подгоревшей каши мне хватило вполне, поэтому нет никакой необходимости добавлять, что я не стал бы лезть за дополнительной порцией в номер незнакомого мне человека.

Огюстен Вальми окатил его подозрительным взглядом.

– Подобные умозаключения вас никоим образом не оправдывают, господин Жанг. Как и другие постояльцы отеля, вы обязаны оказывать моим инспекторам всяческое содействие до тех пор, пока мы не найдем убийцу, который совершил аналогичным образом уже не первое преступление.

– Янг, моя фамилия Янг. Вы же не хотите сказать, что все мои соседи обречены безвылазно здесь сидеть!

– Попрошу вас информировать нас обо всех ваших перемещениях. Где вы были этим утром?

– Пялился на витрины на Больших бульварах. Это запрещено?

– Знакомые у вас в Париже есть? Друзья, родственники?

– Если бы были, разве я стал бы останавливаться на этом захудалом постоялом дворе, где клиентов отправляют на тот свет?

– Каков род ваших занятий, господин Жанг?

– Янг, первая буква «Я». Торговля и экспорт. Специализируюсь на разнообразных безделушках, которые туристы считают необходимым дарить родственникам и знакомым либо выставлять на этажерках в виде трофеев. Здесь надеюсь приобрести ряд изящных вещиц, представляющих различные павильоны Выставки, а также миниатюрные Эйфелевы башни, пользующиеся у нас огромным успехом.

Вальми заглянул в свой блокнот.

– Вы знакомы с Уильямом Финчем?

– Нет.

– А с Мэтью Уолтером?

– *For Christ's sake*³⁷! Я что, должен якшаться со всеми англосаксами, шастающими на Выставке?

– Нет, только с двумя, господин Жанг. Первый – Уильям Финч, англичанин из Бристоля, такой же торговец, как и вы. Его номер примыкает к тому, где убили Форестера. Знаете, ночью, пока он спал, у него сперли штаны и бумажник. Он устроил дирекции настоящий скандал, но самое странное в том, что брюки Форестера тоже исчезли.

Арчибальд Янг умолк и с настороженным видом откинулся в кресле.

– Второй, господин Мэтью Уолтер, поселился в отеле 18 июля, въехав в тридцать шестой номер, в аккурат над комнатой покойного Форестера. Он американский турист из Массачусетса – ястребиные глаза, шкиперская бородка, густые бакенбарды. Если верить служащим отеля, весьма неприятный субъект. Перед прибытием полиции сей клиент уплатил по счету и ударился в бег.

– Из Массачусетса, комиссар. А этот господин Уолтер тоже остался в одних кальсонах? Вынужден вас огорчить, у меня нет времени знаясь с этими господами. Я вполне мог встречать их в обеденном зале, но не обратил на них ни малейшего внимания. А почему они вас так интересуют? Вы их в чем-то обвиняете?

– Не больше, чем остальных постояльцев и членов персонала отеля. Вопрос лишь в том, что вы признали...

– При чем здесь я? Я живу в двадцатом, в самой глубине коридора.

Комиссар Вальми не сводил с него ироничного взгляда.

– Расстояние между двадцатым и двадцать шестым можно преодолеть за какие-то полминуты, – через мгновение продолжил он безобидным тоном.

– Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, комиссар, – выпалил Арчибальд Янг, с трудом сдерживая гнев, – я буду жаловаться на вас в мое посольство.

– Жалуйтесь, господин Жанг, жалуйтесь, но из Парижа – ни ногой, ведь здесь так много достопримечательностей! – ответил на это комиссар, слегка прикасаясь к шляпе.

Арчибальд Янг громко высморкался.

– Комиссар, вы сказали, что схожим образом было совершено еще одно убийство. Его жертва тоже жила в этом отеле?

³⁷ Бога ради (англ.).

– Нет. Это был азиат. Установить, откуда он, мы так и не смогли. Кем он был – тонкинцем, аннамитом, китайцем, корейцем, японцем, выходцем из Самоа или какой другой страны Дальнего Востока? Тайна, покрытая мраком. Желаю вам приятно насладиться видом витрин, господин Жанг, и не забудьте вечером вернуться в отель, ведь расследование только начинается, – бросил Огюстен Вальми и с такой силой одернул полы своего пиджака, что чуть не оторвал их.

Затем он удалился, не сказав больше ни слова.

Арчибальд Янг рухнул в кресло, вытащил из кармана еще один носовой платок и вытер лоб. Затем приоткрыл дверь номера, повесил на ручку табличку с надписью «Не беспокоить», повернул ключ и прошел в ванную. Там снял пиджак, расстегнул брюки, развязал тесемки, удерживавшие на груди широкие полосы из толстого мольтона и облегченно вздохнул. Прощай, большое брюхо! Терпеть этот нелепый наряд, радикально менявший его наружность, было настоящей пыткой, но игра стоила свеч: новая жизнь, новые документы, новый человек. Сначала он хотел стать Квентином Данди, но это имя не соответствовало избранному им образу. В конце концов он решил, что ожиревшему буржуа, в которого он превратился четыре недели назад, лучше всего назваться Арчибальдом Янгом. Арчибальд – в честь Арчибальда Дугласа, прославленного шотландца, жившего в XIV веке, а Янг – потому что из пятерых детей в семье он был самым младшим³⁸. Запомнить – проще простого. Он склонился к зеркалу, снял с головы рыжеватый парик и засунул его в небольшой ларец. Та же участь постигла бороду, усы и брови. Три часа передышки.

Стоя нагишом под душем, он наслаждался холодной водой, струившейся по его стройному телу.

Лавка торговца вином отбрасывала на тротуар длинную дорожку света. На фоне плит мелькнула чья-то тень, и все разговоры стихли. Человек бросил на прилавок монету, засунул подмышку бутылку и вышел, не сказав ни слова.

– А он не болтлив, – заметил какой-то голодранец, навалившись на прилавок, – я его здесь никогда не видел.

– Заткнись, – пробормотал хозяин, – он темная личность.

– Так оно и есть, – подлила масла в огонь его жена. – От его вида у меня все поджилки трясутся. Видели его глаза? Хищная птица. Говорю вам: гриф, высматривающий жертву, чтобы набить ею брюхо!

Мэтью Уолтер тяжелой походкой шел по улице. Подмастерья, после трудного рабочего дня заигрывавшие с девицами, которые днем полировали украшения в ювелирных мастерских, при его приближении уступали дорогу. Какая-то проститутка, толстая как бочка, караулившая клиентов у водосточного желоба, резво перебежала дорогу.

Мэтью Уолтер завернул в глубину двора. Притаившись за грязными занавесками, матушка Мокрица, вырядившись в индийскую юбку, внимательно следила за всеми, кто шастал туда-сюда. Она бы обратила в звонкую монету даже звезды, если бы могла их схватить. Но этого человека она не продаст, ведь он очаровал ее сразу двумя вещами: во-первых, острыми железными побрякушками, постоянно болтавшимися у него на поясе, а во-вторых, щедрой платой. Временное жилье, которая она сдавала ему поденно, было поистине убогим. Мебель рассыпалась на глазах, металлическая сетка кровати ошетибилась торчавшими в разные стороны пружинами. Но Мэтью было все равно – мягко ему не доводилось спать никогда. На его левой руке красовалась татуировка: *Свобода или смерть*, украшенная красным драконом, эмблемой стяга его родного Уэльса.

³⁸ Английское слово «young» переводится как «молодой» или «младший».

Когда Мэтью было шесть лет, отец, овдовев, поместил его в работный дом. Коротко стриженный, облаченный в бумазейные обноски, превратившийся в маленького каторжника, он провел детство, по четырнадцать часов надрываясь на мануфактуре по производству корабельных снастей. Изголодавшись и растратив последние силы, устав от побоев за малейшую провинность, весенней ночью накануне своего двенадцатого дня рождения он бежал и после долгих скитаний добрался до Ливерпуля. А там – впервые увидел порт.

Может, за этим обширным пространством, усеянным лесом мачт, его ждала Обетованная земля? К каким неизведанным краям направляются эти корабли, паруса которых надувает ветер? Бомбей, Кейптаун, Шанхай, Сидней? От свободы исходил запах йода, пряностей и смолы.

Мэтью Уолтер редко вспоминал прошлое. Хладнокровный, грамотный, лишенный любых моральных устоев, наделенный развитыми аналитическими способностями, он с честью выходил из самых опасных передраг. Одиночка, не знающий ни стыда ни совести, но действующий неизменно эффективно и наверняка. В свои сорок два года он кем только не был и теперь готовился в очередной раз сменить образ жизни.

Уолтер взял лист бумаги с расписанными на нем этапами реализации проекта. Он прибыл в Париж две недели назад, и неожиданный поворот, который приняли события, ничуть не нарушил его планов. Еще несколько дней потерпеть – и взлелеянная мечта станет действительностью.

Глава седьмая

Среда, 25 июля, утро

Это была не книжная лавка, а зал ожидания на каком-нибудь вокзале, – тут постоянно толклись клиенты, отнюдь не благоприятствуя конфиденциальному разговору с Виктором Легри. Заняв наблюдательный пост на тротуаре и натянув на глаза шляпу, Фредерик Даглан вглядывался в тени, мелькавшие за витриной, на которой красовалась надпись:

«ЭЛЬЗЕВИР»

СОВРЕМЕННЫЕ И СТАРИННЫЕ КНИГИ

Партнеры Мори, Легри и Пиньо

Улица Сен-Пер, 18

Часы работы: понедельник-суббота

С 8 ч 30 мин до 18 ч 30 мин

Тем хуже, придется бить копытом от нетерпения до тех пор, пока все эти зануды не уберутся восвояси. Он вытащил из кармана платок и приложил его к носу, чтобы уберечься от тошнотворного запаха. Поскольку воду отключили, канализация с самого утра не функционировала и Париж заполонило зловоние.

«Город превратился в сплошную выгребную яму, – подумал Фредерик. – Гляди-ка, япо-нец. Может, это и есть знаменитый Кэндзи Мори? А одежда-то на нем не очень».

Спор между Рафаэлкой де Гувелин и Хельгой Беккер был настолько ожесточенный, что появление Ихиро Ватанабе осталось практически незамеченным. Облегченно вздохнув, он проскользнул к винтовой лестнице и уселся на ступеньку.

– А я вам говорю, что Французская академия определилась в пользу женского рода!

– Это просто смешно! Ни за что не соглашусь называть автомобиль «автомобилью»! Я всегда называла это транспортное средство «автомобилем» и от своего ни в жизнь не отступлюсь.

– В таком случае возьмите на вооружение термин «пыхтелка», он в точности передает шум, производимый двигателем этого адского механизма!

После расторжения помолвки с ее дорогим Вильгельмом характер Хельги Беккер напрочь испортился. За четыре дня до свадьбы сей торговец моторизованными транспортными средствами из Франкфурта, внезапно потеряв всякое желание вводить в свой тихий, спокойный дом трещавшую без умолку женщину, решил остаться холостяком. Она грозно

взмахнула рукой, сделала глубокий вдох, извлекла из сумочки серебристый портсигар и поднесла к губам сигарету.

– Вы курите! – воскликнула Рафаэлла де Гувелин.

– Да, это меня успокаивает, ведь проголосовать обсуждаемый вопрос мы не можем. Графиня де Парис в плане курения может посоревноваться с целой казармой пожарных, а покойная императрица Австрии ежедневно выкуривала по шестьдесят сигарет, не считая пары-тройки толстых сигар!

– Как! Несчастливая Сисси? Ни за что не поверю.

– Тем не менее, это чистая правда.

– Как вам будет угодно, фройляйн Беккер, – изрек Кэндзи Мори. – Однако в моем заведении это запрещено. Вы, может, не обратили внимания, но здесь нас со всех сторон окружает бумага, а она – материал легковоспламеняющийся.

Рафаэлла де Гувелин испуганно подхватила своих обожаемых собачек, Белинду и Херувима, и хотела было уйти, но столкнулась со своей неразлучной Матильдой де Флавиньоль, решившей выступить в ипостаси миротворца.

– Я слышала, что двое жителей Вены, торговец и владелец кафе, решили отправиться в Париж *pedibus cum jambis*³⁹. Причем каждый из них собирает катить перед собой пустую бочку емкостью семь гектолитров и весом в сто килограммов. В день они намереваются преодолеть от двадцати пяти до тридцати километров. Если им удастся осуществить задуманное, они получат пять тысяч крон.

– Это, господин Мори, очень обрадует вашего друга, большого любителя статистики, – едким тоном бросила Хельга Беккер, показывая на Ихиру Ватанабе, скорчившегося у подножия винтовой лестницы. – Лично мне до этого нет никакого дела.

Затем спрятала портсигар и добавила:

– На кой мне сдались какие-то австрийцы?

Кэндзи предпочел остаться глухим к ее словам и продолжил выкладывать на прилавок экземпляры «Камо грядеши»⁴⁰.

Виктор игнорировал и влюбленные, игривые взгляды мадам де Флавиньоль, и ее кремовый шарф, вышитый вершинами Тарарских⁴¹ гор, и саму даму, без конца развязывавшую его и завязывавшую снова, чтобы привлечь к себе внимание. Он усиленно делал вид, что всецело поглощен царапиной, которую щетка Мели Беллак оставила на бюсте Мольера, восседавшем на каминной полке. Вооружившись кистью и обмакнув ее в белой краске, он потихоньку закрашивал страшное оскорбление, нанесенное парику господина Поклена⁴².

В лавку с торжествующим видом ввалился Жозеф. Потрясая зажатой в руке газетой, он тут же ринулся к шуруну. Кисть скользнула по затылку Мольера и оставила на нем кривую загогулину.

– Взгляните! Это первая полоса «Паспарту». «УБИЙСТВО В ОДНОМ ИЗ ОТЕЛЕЙ ТРОКАДЕРО». Интуиция вас в очередной раз не подвела! Ихиру был прав, его кузена действительно убили. Жертву в Трокадеро умертвили аналогичным образом. На сей раз речь идет об англичанине, некоем Энтони Форестере. Когда одна из горничных увидела этого типа, пронзенного стрелой с красным оперением, ее охватил страх, какого она в жизни не испытывала. Он лежал в ванной. Догадываетесь, кому из полицейских поручено вести дело?

– Огюстену Вальми! – ни с того ни с сего закричали хором Рафаэлла де Гувениль, Хельга Беккер и Матильда де Флавиньоль.

³⁹ Пешедралом, на своих двоих (лат.).

⁴⁰ «Камо грядеши» – роман Генрика Сенкевича.

⁴¹ Тарар – горный массив неподалеку от Лиона.

⁴² Настоящее имя Мольера – Жан-Батист Поклен, Мольер – лишь его сценический псевдоним.

Кэндзи бросил украшать прилавок, сжал губы, посмотрел на пораженное лицо Ихиро и бросился к нему.

– Не сходите с ума, это всего лишь совпадение, к этим убийствам вы не имеете никакого отношения.

– Подумать только! Вчера вечером я отправился на работу, а вечером вернулся сюда! У меня нет сил, в меня выпустят стрелу, и она вонзится мне между лопаток, я в этом уверен!

– Вы и так целыми днями носа не кажете из комнаты, которую предоставил в ваше распоряжение Виктор. Но ведь вечером вам в ней оставаться не обязательно!

Ихиро втянул голову в плечи. Если он потеряет работу, то навсегда лишится денег на квартиру, рис, чай и мелкие расходы. Он медленно поднял лицо и неподвижно уставился на Кэндзи.

– Я нашел решение на тот период, пока полиция не найдет виновного.

– Да? Что же это за решение?

– Мне нужно найти замену. Предпочтительно японца. Мы обрядим его в мою одежду. Удивление Кэндзи тут же уступило место возмущению.

– Я отказываюсь! Категорически!

– У вас будет право посмотреть спектакль. Актриса Сада Якко очаровательна, ее пантомима приведет вас в совершеннейший восторг. Что же до Лои Фуллер, то ее покрова, окрашиваемые в разные цвета электрическими прожекторами, вызывают душевный подъем.

– И речи быть не может.

– Мори-сан, бесценный мой друг...

– Кэндзи! Могу я с вами поговорить? – спросил Виктор.

– Одну минуту.

Кэндзи схватил большой конверт со своим последним приобретением – ксилографией Тории Киёнага⁴³, живописавшей общественные бани изнутри, которую он намеревался подарить Джине, когда она проснется. Любопытство Ихиро его настораживало.

– Этот человек сведет меня с ума, – проворчал он.

– Если вы хотите от него избавиться, предоставьте все мне. Полагаю, вы слышали?

– Да-да, отель рядом с Трокадеро, стрелой убили человека. Бегите уж, но если Таша и Айрис узнают – вам несдобровать. «Учуяв кровь, кошка не может скрыть вождедения», – гласит поговорка.

– Которую вы только что сами и придумали. Мне лучше действовать в одиночку. Жозеф в курсе, я его предупредил.

Вид расстроенного зятя убедил Кэндзи окончательно.

Наконец, все стали уходить. Фредерик проводил взглядом женщину с двумя строптивыми собачонками на поводках, в кильватере за которой двигались две клиентки лавки, то и дело путавшиеся в оборках и воланах своих просторных цыганских одежд. Но вся загвоздка заключалась в том, что они окружили Виктора Легри плотным кольцом и, таким образом, превратили в недоступную жертву.

От первоначального плана Даглану пришлось отказаться. Он приблизился к книжной лавке и увидел двух японцев, с воодушевлением что-то обсуждавших под присмотром третьего субъекта с жесткой белокурой шевелюрой, облокотившегося на прилавок.

«Итак, два азиата, – констатировал Фредерик Даглан. – И какой из них мне нужен?»

Один из азиатов грозил пальцем другому, согнувшемуся в почтительном поклоне. Вдруг тот бросился к винтовой лестнице, собеседник побежал за ним. Облокотившийся на прилавок блондин безнадежно махнул рукой, пожал плечами и углубился в чтение ежедневной газеты.

⁴³ Тории Киёнага – знаменитый японский художник (1752–1815).

До слуха Жозефа донесся тихий звон колокольчика и стал затихать. Нужно сказать Кэндзи. Жозеф машинально кивнул новому клиенту и сложил газету. Через две минуты, заинтригованный стоявшей в лавке тишиной, поднял голову. Человек рассматривал его с насмешливым видом.

– Я пришел по делу не к продавцу книг, а к детективу-литератору. Не признали меня, господин Пиньо?

– Э-э-э... Нет.

– Мы как-то пообедали с вами в компании одной милой девушки, вашей невесты. Мадемуазель Айрис, если не ошибаюсь. Вы развивали передо мной интригу одного вашего романа, если мне не изменяет память, он назывался «Странное дело аквилегий⁴⁴».

– Ах да! Я совершенно забыл. Когда же это было? Я женат уже не первый год, у меня двое детей, мальчик и девочка, и я...

– Примите мои поздравления. Это было в 1893 году. В те времена я был королем маскировки. Остаюсь им и сейчас.

Жозеф растерянно разглядывал незнакомца, усиленно копаясь в своих воспоминаниях. Эти привлекательные черты, вероятно, околдовывавшие женщин, эта ироничная улыбка... Да, это он! Если не считать пары седых прядей, он совершенно не изменился.

– Акции «Амбрекса»! Леопард!

– Я променял это рубище на шкуру хорька, растворился в толпе и теперь облегчаю карманы моих собратьев от отягощающей их мелочи. В конце концов, мелочь не так...

– Но ведь это опасно...

– В каждой профессии есть свой риск.

– Я имею в виду, что с учетом былых подвигов вам опасно топтать французскую землю.

– Ну, что до этого... – Он щелкнул пальцами. – Все уже бывшем поросло, а полиции и без меня есть за кем гоняться. Вон, в темных закоулках Выставки свирепствует убийца, разящий всех из своего лука. Как бы там ни было, для них он представляет больше интереса, чем скромный карманник:

Из граммофона на верхнем этаже лилась, потрескивая, ария Моцарта:

In Italia seicento e quaranta,
In Allemagna duecento e trentuna,
Cento in Francia, in Turchia novantuna,
Ma in Ispagna son già mille e tre...^{*45}

– *Mille e tre*^{1, 46} – повторил Фредерик Даглан. – В моей коллекции бумажников экспонатов больше, чем у Дона Жуана женщин. Так что тут мне жаловаться грех. Виктор Легри скоро вернется?

Жозеф почесал затылок.

– По правде говоря, у меня такое ощущение, что он ушел надолго.

– Ох уж этот Легри, как всегда – по горам, по долинам. Придется мне навестить его в семейном гнездышке. Окажите любезность, черкните его адрес.

Увидев, что Жозеф собирается фыркнуть и послать его куда подальше, Фредерик Даглан нахмурился.

⁴⁴ Аквилегия – род травянистых многолетних растений семейства лютиковых.

⁴⁵ В Италии – шестьсот сорок, в Германии – двести тридцать одна, сотня – во Франции, в Турции – девяносто одна, но в Испании уже тысяча три (*ит.*).

⁴⁶ Ария Лепорелло, слуги Дон Жуана.

– В чем дело? Что за нерешительность? Вы что, не верите мне?

– Дело в том, что... это конфиденциальная информация.

– Полно вам, разве я могу причинить зло человеку, который вытащил меня из самой что ни на есть скверной передраги? Сведения, которые я имею ему сообщить, обладают первостепенной важностью.

– Я тоже не хочу причинять ему вреда, – в раздражении ответил Жозеф. – Почему вы хотите обратиться именно к нему? Я его партнер, причем во всем.

– Однако! Раньше вы были лишь приказчиком.

– Чтобы добиться успеха, нужно не только быть полезным, но и обладать способностями. Вы что, не знали этого секрета?

В ответ на эти его слова раздался сдавленный смех.

– Сразу видно, что вы писатель, господин Пиньо, причем неплохой – умеете метко возразить! Я преклоняюсь перед теми, кто с таким талантом сочиняет мелодрамы.

– Вам нравятся мои книги? – спросил польщенный Жозеф.

– Да я от них просто без ума. Я по достоинству оценил «Странное дело аквилегий», но любимым моим произведением, вышедшим из-под вашего пера, стал «Дьявольский селезень». Какой полет воображения, какой прекрасный слог! Вы – король популярной литературы, в один прекрасный день вас сделают кавалером ордена Почетного легиона!

Залившись румянцем, Жозеф, больше не мешкая ни минуты, нацарапал адрес Виктора на листе бумаги, вырванном из блокнота, в который он клеивал газетные вырезки, повествующие о всевозможных происшествиях. Тут его внимание привлек какой-то скрип. По винтовой лестнице в перкалевом костюме цвета слоновой кости и с цилиндром на голове спускался Кэндзи. Он поклонился Даглану, затем обратился к Жозефу и сказал:

– Я ухажу. Не забудьте приготовить книги, заказанные вчера господином Мандолом.

Зять подождал, пока за ним не закроется дверь, и констатировал:

– Он по-прежнему видит во мне только приказчика!

– А кто это? – спросил Даглан.

– Господин Мори, мой тесть, – проворчал Жозеф и протянул ему адрес Виктора.

Фредерик проворно засунул листок в карман, повернулся и вышел на улицу.

Даглан без труда отыскал глазами Кэндзи, фланировавшего в сторону бульвара Сен-Жермен, и перешел через дорогу, чтобы вести за ним наблюдение с противоположного тротуара. Накопленный за долгие годы опыт научил его запоминать всех, даже тех, с кем он встречался только мельком.

«Значит, это партнер Виктора Легри. Чего-чего, а галантности и манер ему не занимать».

Пока из граммофона доносилось трескучее урчание, Жозеф, оставшийся в лавке один, невидящими глазами смотрел на витрину. Этот Даглан говорил честно или же врал как сивый мерин? О разговоре с ним, пожалуй, лучше будет умолчать и не говорить Виктору, что его адрес этому человеку дал не кто иной, как шурин.

Женщина стояла к нему спиной, поэтому оценить по достоинству ее очарование он не мог. Хотя на ней была бесформенная блуза, тонкий стан и густые, собранные в шиньон волосы свидетельствовали о приятной наружности. Лицо, прикованное к картине на мольберте, оставалось невидимым. На полотне была изображена цветущая девчушка лет двух-трех в платье из шотландки и лакированных туфельках. В правой руке она сжимала обруч, левую тянула к зрителю. Сценка напоминала собой жанровый фотографический портрет. Спонтанность образа дополнялась радостью девочки и ее спутанными кудряшками, очень напоминавшими волосы художницы.

Фредерик застыл как вкопанный, в горле встал ком, сердце его бешено заколотилось. Он испытал давно забытое волнение в душе: вкусить Женщину через далекий, смутный образ, почувствовать внутри вибрирующий инстинкт завоевателя, порождавший массу греховных мыслей в голове, отвыкшей от эротических видений.

Он не сводил с нее глаз, в то время как она, не обращая внимания на происходящее, подбирала цвет. В этом отношении дама разделяла мнение некоторых художников о том, что черный, вместо того чтобы омрачать картину, наоборот, лишь усиливает ее блеск. Поэтому она добавила несколько темных мазков к силуэту Алисы и отступила на шаг. Да, после этого портрет дочери обретет рельефность и его реальность станет более очевидной. Когда женщина отвела глаза влево, ее взгляд упал на кису, развалившуюся на плитах пола. Кошка старела. Большую часть времени она спала, и из состояния сонливости ее могла вывести лишь ночная прохлада. Любимица художницы растолстела и лениво пыталась поймать лапой пробку на ниточке, которой Алиса махала у нее перед носом. Таша положила кисть на палитру. «Я тоже старею», – сказала себе она, отчаянно борясь с соблазном тоже развалиться на кровати в алькове. Утром она опять выдернула седой волосок, уже третий за неделю. Будет ли Виктор все так же ее любить, когда голова ее посеребрится, а цвет лица утратит свою свежесть? Про себя она знала, что изменения, вызванные старением мужа, никак на нее не повлияют и что с возрастом она будет относиться к нему только нежнее. Но, может, правы те, кто утверждает, что мужья устают от жен, когда те разменивают четвертый десяток?

Женщина прошлась по комнате, мимолетно явив свой ускользящий, многообещающий профиль, и исчезла из поля зрения. Увидев ее перед собой, Даглан испытал настоящее потрясение. За истекшие семь лет она совершенно не изменилась. Не Боттичелли и не Леонардо да Винчи, скорее один из голландских мастеров, не столь известных у широкой публики, которых он предпочитал итальянским гениям. Незамысловатая красота, чувственные изгибы, меланхоличное выражение, за которым проглядывала веселость. Ее пластика воскресила в памяти первые любовные утехы с Лизон, любовницей его наставника Даглана, который приютил его, дал свою фамилию и воспитал индивидуалистом, полным сострадания к обездоленным. Так Федерико Леопарди стал Фредериком Дагланом. Лизон первая приобщила его к плотским утехам. А в один прекрасный день бежала с каким-то каменщиком. В душе юного Фредерика осталась рана, не позволявшая до конца верить сменявшим друг друга любовницам. В то же время это недоверие сглаживалось воспоминаниями об обнаженном теле, гибком, податливом и теплом, как свежеиспеченный хлеб, благодаря которому он возвел женские округлости в культ.

Таша поняла, что за ней кто-то следит. Мужчина, неподвижно застывший во дворе у окна, не сводил с нее глаз. Она окаменела. Кричать? Никто не откликнется. Бодуэны решили сделать выходной, всей семьей съездить на природу и даже предложили взять с собой Алису. Дверь!.. Она заперта? Нет, за несколько минут до этого Таша поднялась в квартиру, чтобы выпить лимонаду, а когда вернулась, то ключ в замке поворачивать не стала. Это означало, что мужчина в любой момент мог к ней войти. Оружие! Быстро! Таша схватила шпатель.

А незваный гость уже пропал. Женщина как загипнотизированная смотрела на щеколду. Если она опустится, дверь приоткроется. Таша изо всех сил пыталась совладать со страхом. Просто так он ее не возьмет. Она будет драться, царапаться, кусаться. А кромка шпателя достаточно острая для того, чтобы оставить после себя множество шрамов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.